

A misty, mountainous landscape with a dirt road leading to wooden houses. The scene is atmospheric, with fog or low clouds hanging over the mountains and a forest of tall evergreen trees. In the foreground, a dirt road with puddles leads towards two rustic wooden houses with steeply pitched roofs. The overall mood is somber and mysterious.

Фэйрикс Персидский

Трактами
заблудших.
Том 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Фэйрикс Персидский
Трактами заблудших. Том 1

«Автор»

2026

Персидский Ф.

Трактами заблудших. Том 1 / Ф. Персидский — «Автор», 2026

Сорные края - унылые, залитые дождями и окутанные туманами, обманчивые земли, где невозможны простые людские радости. Жалкое пристанище для осевших беглецов, изгоев, душегубов и калек. Юдоль неудачников, чьё безрадостное существование наполнено голодом, страхом и жестокостью. Жизнь сурово обошлась с Гиргельмом: он «пережёван» ею и «выплюнут» на самую обочину раскисшего тракта. Однажды и ему выпадает шанс всё изменить. Призрачный шанс...

Содержание

Глава 1. Гиргельм.	5
* * *	8
Глава 2. Гиргельм.	17
Глава 3. Гиргельм.	22
Глава 4. Гиргельм.	33

Фэйрикс Персидский

Трактами заблудших. Том 1

Глава 1. Гиргельм.

«Старухе» с глазами старика.

Часть 1.

Рука выглядела паршиво. Куда хуже, чем вчера. Добрую половину предплечья занимала расползающаяся рана. Розовато-серые, в лохмотьях бесцветной кожи, края даже казались заживающими. Далее застыла отвратная корка из желтоватого гноя, сукровицы и волокон бледного мяса. А вот сердцевина пугала напрочь: неумолимо раздувалась землисто-чёрным морщинистым грибом, смердела и хлюпала при резких телодвижениях.

Ужели всё начинается сызнова? Сызнова из-за того, что ночевал в поле, под дождём, в размокшей грязи? Ведь рана — по сути, та же грязь!.. Или всё из-за околевшей тощей дворняги, чью сырую (костёр в ливень не разведёшь), пованивавшую плоть он глодал накануне? А куда было деваться: от травы, корешков и червей уже сводит брюхо — не себя же жевать...

Всего одна поганая ночь... А что будет дальше? Ведь впереди у него, как грязи, таких ночей! И дней под стать...

Гиргельм зажмурился. Недолго выждал. Опасливо поднял веки. Никуда не делась. Рана. Клеймо храма. Столь же поганое, как и Разлом, что на сотни лиг прогрыз здешние проклятые края! Даже смердит дождь-в-дождь...

Не жизнь, а дерьмо! С каких вшивых пор ему стало так не везти?..

Ответ ощущался завалившимся на дне утробы булыжником, но лучше было не бестолково копать в былом, а как-то суетиться нынче...

Оскалившись, Гиргельм перекатился на бок и вынул из составлявших его одежду обносков ржавый, порченный нож. Металл давно нуждался в промасленной тряпке (или хотя бы в струйке крови), а неровная кромка — в заточке. Острога кончика давным-давно не имелось, вместо оногo осталась непонятная зазубрина. Дрянь, а не нож! Не нож, а Гиргельм! Но кое для чего ещё послужит!.. Трясущейся шуйцей¹ он приблизил оружие к очагу хвори. Заранее стиснул зубы и надавил на потрескавшуюся деревянную рукоятку. Уродливый наплыв подался под напором. Лезвие чуть ковырнуло смолисто-бурую сердцевину. Из пореза лениво потекло нечто похожее на болотную жижу. А вот боли не было! Поколе не было... Посему Гиргельм взялся рьяно орудовать ножом: протыкать, полосовать, поддевать растущую гадость... До тех пор, пока вся тёмная мерзость не отвалилась с десницы, обнажив серое мясо.

Славно было бы залить пострадавшее место крепким пойлом, прижечь или прикрыть целебными травами. Но что есть у жалкого бродяги? Дорога и более ничего...

И тут, сдув колыхнувшиеся сожаления о своей доле, пришла боль. Явившись точно извне, ударила волной. Прянула столь резко, будто живьём кожу сдирали. Отощавшее тело Гиргельма закрутило по траве, кочкам и ложбинам. Он распахнул рот, но не услышал крика. Лишь беспомощный, живо потерявшийся сип.

Сгнула мука, так же порывисто, как и напала. Страдалец мигом почувствовался, чумазый и перекрученный, в ближайшем от тракта овраге. Похлопав зенками, он стал выбираться. Толком не поднявшись, пополз сквозь редицу зарослей вверх по склону. Выкарабкался споро, не

¹ Шуйца (устар.) — левая рука.

ощутив сдуру ни предательской дрожи в ноге, ни немощи в руках. Выпрямившись, перебрался на старое, с примятым ковылём, местечко и опять залёг в засаде.

Неподалёку, на пропleshине в двух шагах от него, устало трепыхалась лужа. А в ней дрожало отражение замка: опоясывающая стена, тонкие шпили по бокам, толстая главная башня... Картина была столь яркой, влекущей, живой! Гиргельм не удержался, под хруст позвонков резко задрал грязную всклокоченную башку. И печально вздохнул мигом позже. Никакой твердыни в небесах. Просто чудное облако, отчасти на неё смахивающее...

Его голова обречённо склонилась, а взор опять упал на лужу. Муть, рябь, круги по воде. О, нет, что-то, величавое и манящее, проступающее за оными! Крытая галерея поверх извилистой стены, покатые, крытые черепицей крыши чертогов, шурящийся бойницами крепкий донжон, даже искорки чьего-то встречного взора из одного оконца... Волшебство вернулось: где-то там среди преображённых горних высей, раздвигая бурелом уродливых туч, парила светлая грёза!

Он многое в жизни отдал ради замка! Примерно такового, вот...

Гиргельм горько усмехнулся и пропал на некую пору, уставившись в никуда. На небосвод более не глядел. На лужу тоже...

Время сонно напoлзало прибором тумана. Он беспокойно ворочался, отмечая его течение по настойчивому бормотанию пустой утробы. Её стоны становились всё более звучными и болезненными, так что костлявый бедолага не утерпел — сызнова зачихал в рот нечто несъедобное. Метёлки трав с острым привкусом, солоноватую древесную кору, мокрицу и жука — всю ту дрянь, коей вынужден был глушить голод куда чаще, нежели самой скверной людской снедью.

Устало ворочая челюстями, он едва не упустил главное. Сквозь клацанье и зубовой скрежет прорвались чужие голоса. Сплюнув травинкой, Гиргельм приподнялся, взгляделся в зыбкую хмарь и едва опять не рухнул наземь. В полусотне локтей, вынырнув из сероватой пелены, по разбитой дороге двигались двое верховых. Скупно переговариваясь и чмокая грязью, приближались. Оборванец пригляделся из-за кустов. Впереди на кляче ехал молодой парень, позади на осле тащился усатый старик.

Плёвая пожива!

Гиргельм по старой памяти взмахнул рукой и с досадой вспомнил, что он уже не в своей ватаге. И нынче, пожалуй, ему лучше самому держаться от той дальним полем!..

Он присел, затаившись за кущами. Сызнова нашупал нож и, дабы не видеть храмовую отметину, сжал тот шуйцей. Обречённо выдохнул.

Не такая уж и плёвая пожива...

Он давно не воин. Уже почитай год ни с кем не тягался на мечах. Да что меч, у него кинжала простецкого не осталось. Эшарг с ним, оружием — поди удержи его, коли последний месяц ничего стоящего в животе не было. Ещё и на правую руку надёжи нет...

— Где тут, говоришь, поворот на Ашллерц? — спросил парень, проезжая подле места засады. Долговязый и мутноглазый, он сонно оглядывался и не казался особо крепким, грозным. Впрочем, Гиргельм некогда уяснил, что молодость саму по себе, с её ухарством и дурью, никогда не стоит недооценивать...

«Может, попросить? — задумался он, мелко задрожав. — Хотя кто же мне даст? Я бы сам не дал...»

Выждав, поколе первый вершник минует заросли, тать² сосредоточился на втором путнике. Склонившись, дедок покачивался в такт поступи ишака. Кажется, даже прикрывал веки и понемногу дремал. «То, что надо!» — оживился затаившийся в зарослях разбойник. Позволив верховому проползти мимо, Гиргельм недобро вытянулся во весь рост. Обогнув ветви-

² Тать (устар.) — вор, грабитель, разбойник.

стую кушу, он пристроился позади жертвы. Немного просеменил следом и, не узрев примет чужой тревоги, изготовился для конечного броска. Невзирая на отозвавшуюся болью левую ногу, ускорился — парой корявых скачков добрался до крупа плетущейся животины. За ворот сцапал ворохнувшегося седока и одним мигом сволок того наземь. Поколе не очухался, приставил к дряблой вые³ ржавый нож.

Старик беспомощно задёргался, невразумительно заголосил. Его молодой попутчик обернулся и резко натянул узду. В один миг слетел с седла и, вооружившись дубиной, двинулся на подмогу.

— Замри, щенок! — сипло рявкнул Гиргельм, напоказ взмахивая паршивым ножом. — Стоять, не то я ему башку-то оттяпаю! Я могу: мне одна стёжка в жизни осталась!..

Угрозы подействовали: молодец встал и опустил оружие. Хмуρο бросил:

— Не тронь его. Чего тебе надобно?

— Добро ваше — у меня одна злоба осталась!..

— Ох, расплодилось вас, татей! Тем дай да сим всучи — так у нас ни мха не останется.

А чегось я аромарону отдам?

— Нет замка — нет рода! — древним присловьем благородных отозвался Гиргельм и грозно сдвинул и без того сросшиеся брови. — Считай, будто уже оброк платишь...

Потянулись переговоры, дёрганные, куцые и нелепые. У путников (как и у большинства обитателей Сорных краёв) мало чего имелось, и большая часть сего жалкого добра, разумеется, была не при себе. Гиргельм же, хоть и водился одно время с разбойниками, уговаривать толком не научился. Базарными спорами да запугиванием едва принудил бедняков расстаться с ослом, котомкой убогой снеди, старым тесаком да горсткой медяков. Пожелав вдобавок лошадь, он так увлёкся, что не приметил, как старик изловчился отвести от кадыка гнущее лезвие ножа да вдруг вывернулся вон!

— Куда! — не веря глазам, рявкнул незадачливый грабитель и кончиками перстов подцепил беглеца за рукав.

Пока тянул за ветхий кафтан, дождался ответного тычка в лицо! Попало локтем по носу: взор на миг потускнел, расплылся. Морщась да фыркая, Гиргельм неуклюже загребал руками пустоту. Всё напрасно: дедка подле как не бывало!

Толком не оклемавшись, он глупо, едва видя, двинул за улизнувшей добычей. И тут же наткнулся на молодого попутчика старика. Точнее, на его дубину! Раз и другой ухнувшую по черепу Гиргельма...

³ Выя (устар.) — шея.

* * *

Смеркалось. Налившиеся призрачным блеском лохмы извечного тумана прибило к земле и беспокойно влачило по равнине — казалось, чудовищный слепец шарил по округе руками. С юго-востока задувал крепчавший, обдающий мелкой пылью ветер. Развалившись на мокрой траве, Гиргельм опять ждал в засаде. С приличной шишкой на голове и уже без ножа. Разумеется, никакой добычи тоже не прибыло, иначе бы он не разлёгся на холодной земле второй раз за день.

Ему опять (тучу раз уже!) не повезло. Пожива почти трепыхалась в руках... кабы не клятая метка храма!.. Ведь всё приходилось делать левой. А старый хрыч не удрал бы, если бы Гиргельм, как встарь, держал оружие десницей.

Можно было возразить, будто он ещё дёшево отделался. Шишка, выбитый зуб и отобранный нож — невеликая плата за провал. В Сорных краях губили и за меньшее. Но он сомневался, что существование в хладных морях Энгилла многим горше, чем его нынешнее земное прозябание!..

«Надо было попросить!.. — слушая стоны пустой утробы, немо посетовал бедолага. — Авось сухарик бы а кинули?»

Внимая своим сиротливым сожалениям, он пропустил, как под завесой тумана накатил дождь. Резво, бурно, шквалом. Когда колюче посекло лицо и захрустело на зубах, сорник понял, что ливень был с песком. Гиргельм юркнул под хлипкий навес ветвей ближайшей ивы, сжался в комок и, уткнув рожу в землю, смешливо осклабился.

Тут не блаженная Нолдия, а для Сорных краёв стодится и таковое поганое ненастье!

Его отчаянное веселье шустро смыло. Не стало видно ни зги. Непогода разошлась: изрядно заметая грязью и поливая столь же обильно. Плакучее дерево нисколько не спасало, а словно было заодно со стихией. Горемыка на карачках трясся под жидкой, бьющейся в корчах кущей. Под его коленями хлюпало, и мутные лужи вовсю полнели, раздавались. После того, как всерьёз оскользнулся, плюхнувшись в самую жижу, неудачник решил приподняться. Пряча десницу под промокшими обносками, повернулся к ветру и дождю спиной. Так и стоял, качаясь под порывами, невесть сколько, поколе напасть разом не сгнула...

Едва протерев заляпанные грязью зенки, Гиргельм напряг мутный взор и с трудом отыскал ближайшее более-менее пристойное местечко. Взобравшись на пригорок, страдалец опять упал на колени и обмяк без сил. Опустил веки и застыл грудой сора, порой вздрагивая от своего тяжкого дыхания или хлада сбегających по спине струек. И суматошно засуетился токмо после одной думы. Леденящей нутро думы...

Гадкая пачкотня! Гадкая пачкотня могла попасть в рану!..

Отыскав у своих лохмотьев клочок получше, сорник принялся её одурело вычищать. Выходило худо: пропитавшись пылью дорог, ветхая ткань сама немало состояла из проклятой грязи! Она не столько сходила, сколько размазывалась. Засипев от досады, Гиргельм прильнул ртом, и подобно зверю начал вылизывать больное место. Он окаменел, когда почитай управился с сей задачкой...

Погань может остаться на языке и следом расползтись по всей роже!..

Его затрясло от ужаса. Он едва не грохнулся в обморок. И стал что-то делать, лишь когда едва не подавился обильно прилившей слюной. Стал плевать. Остервенело харкать, будто желал выблевать наружу все потроха.

Он прекратил, когда иссякла слюна. Или когда истошились силы? Гиргельм не помнил: на память сил тоже не осталось. Он опять пребывал на коленях, беспомощно елозя в грязи.

Знакомое положение. До боли паршивое, неизменное. И всякий раз грязь становится всё гуще...

Жалея себя, бедолага захлюпал носом. И невнятно скулил до тех пор, поколе не слышался конский топот. Частый и до странности звонкий. Сорник в недоумении закрутил башкой. В сумерках да сквозь наплывы разящей пелены ничего нельзя было разобрать. Он с кряхтеньем встал и вытянулся, уповая что-нибудь увидеть, а не токмо услышать. Цоканье нарастало, и вскоре мутная завеса заколыхалась, понемногу обнажая очертания всадника. Тот, приближаясь, ехал по раскисшей дороге. Гиргельм пригляделся: вершник походил на рыцаря — мертвенно сверкал в полутьме сталью лат. На голове — морион с облезлым плюмажем, одно плечо чудовищной шишкой прикрывал турнирный наплечник, торс оберегала кольчуга, ниже виднелся пластинчатый килт. Все части, похоже, были от совсем разных доспехов. Впрочем, для Сорных краёв таковая мешанина была привычным делом! Бродяга уставился на наездника, открыв рот.

Гиргельму в жизни повезло куда меньше. Он так и не стал рыцарем, некогда застряв в оруженосцах...

Впустую растеряв дюжину мгновений из-за накатившей тоски, он вовремя опомнился. Набрасываться на знатно вооруженного верхового ни малейшего толка не имелось. Оставалось лишь одно...

— Ми-илостивый господин, — плаксиво воззвал он, выскочив из-за кустов и плюхнувшись на колени подле тракта, — не оставьте, киньте медяк али хлебушка сухарик! Ведь я, господин, почитай, из ваших, да всё горькая судьбина...

В мольбе протянул левую руку. Порченую десницу благоразумно убрал за спину. И привычно заёрзал в леденящей грязи.

Рыцарь даже не ворохнулся. Не покосился вбок. Не фыркнул с презрением. Не пришпорил коня. А, цокая подковами, проехал мимо...

Гиргельм обречённо обмяк на неровной обочине. Знал, что так и будет. Знал, но всё же слепо уповал... Предпочёл запомнить, что в Сорных краях, как ни клянчи, милостыню не подают. Её, коли могут, забирают силой и страхом!

Сил у Гиргельма, как и всего прочего, полезного, давно не водилось. Всё пропало, растерялось в веренице слякотных лет. Всё, окромя невезения, голода да немощи...

Звучно хлюпая носом, он глупо пялился в спину уезжавшего рыцаря. И токмо когда оный отдалился, явственно почуял — что-то не так! Цоканье не затихало, а становилось всё звучней, отчётливей, точно конь шёл по брусчатке, а вовсе не по грязи.

Гиргельм приподнялся и, шатаясь, захромал вослед тускнеющему, проваливающемуся в густую хмарь верховому. А тот, сперва приблизившись, вдруг опять оторвался, когда незаметно пришпорил скакуна. Оный, кстати, будто поменял масть: вблизи походил на каурого, но понемногу потемнел и начал казаться караковым. И вдобавок ещё косматым...

Когда кольчуга воина, доселе призрачно сереющая, взялась набухать багрянцем и плащом стекать по конскому крупу, Гиргельм перестал сомневаться. Дождь-бредождь, то был вовсе не рыцарь! Не рыцарь... ибо сюда из Пропавших мест вместе с ненастьем приволокло небыль!

Босяк растянул рот в подобии улыбки. Ему, кажись, впервые повезло! Ибо небыль встречалась всякая, и за некую охотники до диковин могли отсыпать немало звонких монет. Знать бы ещё, какую именно им надобно?..

Он побежал за вершником, ибо другой небыли поколе не приметил. И поспешал, сколь мог, неловко скользя по грязи и баламутя воду в лужах. Задумываться, представляет ли чужеземное диво угрозу, в суете было недосуг. И понемногу бедолага догонял...

Меж тем животина впереди порядком сморщилась, усохла до размера ослика. Как и сам наездник, что отныне походил на карлика или ребёнка. Его разномастные доспехи пере-

стали отливать каким-либо блеском, побурели и начали смахивать на неотёсанные, соединённые верёвками, деревянные чурбачки. В руке недомерка появилась тонкая и длинная, вроде копыца, жердина.

«Чахнет, — пришло на ум Гиргельму, — истончается!.. Скоро, того и гляди, потухнет, будто лучина в мокрень».

Собрав все оставшиеся силы, сорник припустил и стал наступать. Любое неловкое движение могло отправить его наземь, прямо в топкую жижу или заполненные мутной водой рытвины. Он дерзал и, платя прошивающей бедро болью, отыгрывал локоть за локтем...

Когда до ослиного хвоста оставалось не более двух-трёх скачков, всадник резко, не перемещая ног, развернулся. Нежданно. Всем торсом. Будто поломавшись в хребтине. На оборванного преследователя зловеще, из-под оплывшего шлема, воззрился скалящийся череп. Остатки плоти и кожи свисали неприглядными слипшимися лохмами. Челюсти клацали в гневе, кроша осколки зубов. Но глазницы занимали огромные, чистейшей воды, сапфиры!

«Моя радужная удача!..» — вытаращился на самоцветы Гиргельм и невольно потянулся обеими руками.

Десницу костлявого наездника криво, неестественно задрало наверх. На кончике жердины вспыхнул бледный огонёк, что за пару мгновений раздуло до зеленоватого, сотканного из дыма шара. Покачнувшись, копыцо величаво, едва раздирая сумрак пустоты, устремилось к Гиргельму. Заворожённый неспешностью происходящего, тот упустил неприметный черёд, когда следовало уклоняться. Оружие всё плыло, плыло... и ужалило неуловимым уколом! Притянув на пару локтей, его живо насадило на болотного окраса ступок, оторвало от земли. Трепыхаясь, словно проколотая букашка, сорник уставился на свою пробитую грудь. Боли не было, кровь не текла, сырые и грязные лохмотья заволакивало малахитовой хмарью. Прежде чем сорник порядком удивился, его отшвырнуло вспять.

Подняться он не смог. Тело, как не своё, обмякло в грязи. Плоть, от кончиков ног до макушки, заливало приятной, давно забытой истомой. Гиргельм словно надрался, как никогда в жизни! Напился до самого отвала, не утратив притом ясности дум. «Мне бы сякую штуковину! — барахтаясь в луже, мечтал он, поколе его члены понемногу оживали. — Уж я бы с ней вовек не расстался...» Бродяга разрывался внутри, желая, дабы сие сладкое чувство никогда не кончалось, и одновременно страстно порываясь встать, лишь бы нагнать ускользящую небыль...

Его конечности вновь стали послушными, когда диковинного рыцаря без следа поглотил сумрак. Гиргельм с охами поднялся на ноги и, шатаясь, поковылял по тракту, уповая, что диво ещё не сгнуло к Эшаргу. Шаги давались тяжело, но оборванец брёл, упрямо вглядываясь в густеющую мглу. И ничего, кроме оной, не видел... Силы оставляли. Он скользил по грязи и трижды не устоял. Ноги не держали. В очередной раз поднимаясь из жижи, сорник перестал пялиться на дорогу, а утомлённо покосился вбок. Из-за налипших на рожу мороси и грязи померещилось, будто одесную⁴, среди бурьяна, расцвёл чудесный цветок! Гиргельм неловко утёрся, помотал башкой и сызнава вгляделся в зыбкую полутьму. Нет, в сотне локтей и впрямь нечто переливалось изменчивым, румяно-рубиновым светом!

На диво шустро оказавшись на ногах, он вразвалку похромал к новой небыли. Постепенно та росла, проявляясь всё отчётливей. Издали она представляла нездешней красоты бутонном, потом — огромной, цвета зари, подвижной каплей, и лишь с расстояния в дюжину шагов обрела законченный облик. В мокром овражке, среди голых камней и сгнивших пней, полыхал небесный огонь. Его вид малость смущал взор. Розоватые, с лиловой каймой, языки не извивались, подобно умелым плясуньям из трактира, а неуклюже дёргались, точно поломанные паучи лапки. Их неказистые корчи настораживали, но Гиргельм насквозь промок и озяб, дабы

⁴ Одесную (устар.) — по правую руку.

его останавливало нечто несущественное. Жажда отогреться за всю свою собачью жизнь, он поспешил к необычному костерку. Приблизился, в уповании раскинул руки...

Никакого тепла не полилось. Огонь из Пропащих мест не грел. Лишь нелепо светил, марая румянами пятен. И, цепляясь кривыми тенями, вкрадчиво наползал...

Гиргельм ощутил нечто вроде разгорающегося зуда и подумал, что чудное пламя всё же исподволь дарит тепло. По чумазому лицу растянулась робкая улыбка. Коя вскорости сменилась оскалом, поскольку щеколка обратилась в резкую, продирающую до костей боль! Жгучую муку, коя жадно вгрызлась в его плоть. Начав с обогранных чуждым светом мест, она после прокатилась по всему телу бродяги. Он с воем отбежал прочь. Закрутился волчком, пытаясь стряхнуть донимающее терзание. Вовсю замахал десницей, такой живой и послушной ныне...

Постепенно боль ушла. С отдаления в десяток шагов ярящаяся погань перестала быть опасной; токмо впустую бесилась, колченого болтая хищными языками. Гиргельм выругался, сплюнул и, не ощутив толком отрады, швырнул пригоршней влажной земли. Небыль вздрогнула, сжалась и суетливо затрепыхалась трусливым комочком. Обитатель Сорных краёв ощерился, недолго поразмыслил, взял да и закидал диковину грязью. А после обречённо побрёл к своему сырому оврагу — спать под спутавшимися узлом, кривыми осинами...

* * *

Утро встретило извечной, навевающей уныние картиной. Тусклый свет едва пробивался сквозь плесень размазанных по небосводу туч. На сиротливых полях «паслись» клочья грязного тумана. Ветерок гнул чахлые травы к мокрой земле, срывая капли, тряс ветви редких, походящих на коряги, дерев. Накрапывал прохладный дождик. Тяжёлый воздух привычно смердел утренней свежестью. Взор обрадовала разве что улыбка... Знакомая улыбка приятеля! Лихо вздёрнутый уголок рта. Ах, нет, то всего мимолётный, тающий завиток хмари, глумливо напоминающий, что Гиргельм остался в Сорных краях один. Один уже более месяца...

Сорник зло дёрнул головой, смахивая наваждение, и натужно потянулся. Сгорбившиеся в часы чуткой дремоты тело порядком ооченело и не желало распрямляться. Выпирающие кости с неохотой хрустели, лопатки приклеились к рёбрам. Морщась и хрипя, он по давней, оставшейся с ратных пор, привычке размялся: поворочал выей, пару раз присел, подвигал затёкшими членами.

«Утечь бы... Утечь бы отсюда! — расплылся в мечтах оборванец. — Куда угодно. Туда, где видно синюю высь и пламенное Око Ирсии! Где ветер не воняет на все лады! Подальше от клятого Оскала Эшарга!..»

Он смежил веки и отдался сладостным миражам. Как оставляет за спиной поганые родные края! Идёт, покрывая одним шагом многие лиги. И вот его лицо уже мягко овеивает морской бриз, кой несёт с необъятных просторов Бездонного океана! Отогревает ливнем жаркого света, что, ниспадая на мрамор зданий, льётся с ясных небес Велтии! Манит ароматом ярких цветов и диковинных, истекающих медовым соком плодов...

Обдавший хладом и тухлой рыбой, порыв вырвал из мира грёз. Гиргельм с подступающими слезами взирал на осточертевший пейзаж. Он подозревал, что никогда не вырвется отсюда. До сих сказочных мест долгие месяцы трудного пути. На севере, до самого побережья, нет ни смрада, окромя таких же, как и тут, мокрых зловонных полей. На закате — степи, полные кровожадных степняков, а следом — пустыня. Путь на восход перекрывает источающее туманные миазмы ущелье Разлома, а дальше, за продолжением Сорных краёв — рубежи рухнувшей, древней державы Алдармэ бдительно стерегут неведомые силы. Дорога на полдень опять-таки ведёт по голым равнинам, покуда не упирается в горный хребет, за коим уже начинаются тёплые страны. Куда ни пойдешь — всюду даль за далью, а он еле ноги волочит...

Бедолага вздохнул, поневоле повесил голову. Понемногу его взор, перестав болтаться из стороны в сторону, упал на десницу. Через лохмотья ветхого рукава виднелась рана. Внушительная, желтушно-серая, сызнава принимающаяся наливаясь отвратной чернотой. Поморщившись, он потянул за обрывки одежды, обнажая предплечье. Содрогулся. Ему не померещилось — мощь храма не спадала, раз за разом воскрешая чудовищную заразу!

Взвыв, он потянулся к поясу за ножом. Но, шпорами по горлу, нож там уже не висел!.. Стиснув кулаки, Гиргельм закрутился в порыве сумасшествия. Он выдирает бурьян, плевался, чесался и... порывался зубами выгрызть из себя мерзкую хворь. И всякий раз задерживал оскал рта в пальце от печати Эшарга. Нет, нельзя, иначе ещё и с головы запаршивеешь...

«Эх, повстречать бы тут служителя Утродарой Ирсии! — истово молил он судьбу, суматошно оглядывая навоящие тоску окрестности. — Она с Эшаргом — злейшие недруги! Уж жрец бы не отказал, даже не покривился бы, что без платы — выжег бы гадость священным пламенем!»

Ошалело бегая, тёмно-серые глаза уловили движение. Скорее, даже шевеление, ибо то было жалким и шло понизу. Сорник опустил голову и спустя пару вдохов узрел среди колышущихся на ветру кочек душкана. Облезлый, тощий и донельзя пахучий, оный не должен был внушать никоих отрадных чувств. Но токмо не для голодного горемыки! Резво прилила слюна, и Гиргельм едва не подавился ею от жгучей охоты. Задрожав, он бросился вперёд, в надежде вытянул тощие руки. Десницу некстати дёрнуло, и посему сорник чуть замешкался. Одноглазый бурый грызун улизнул в затыжном прыжке, на прощание хлестнув покрытым иголками хвостом. Гиргельм поднялся и, не глядя на лёгкие царапки на пальцах, бросился в погоню.

Зверёк попался вредный и спесивый: не спешил прятаться в норке и удирать с глаз долой. Предпочитал злить двуногого преследователя: избирал самые нехоженные места да отскакивал в самый последний миг. Сорник прилично умалялся, гоняясь за гадкой тварью, а, когда не на шутку захромал, признался себе, что не сумеет потягаться с жертвой в прыти. Тогда бродяга смекнул испробовать немудрёный приём. Перейдя на шаг, взялся швыряться по душкану камешками, ветками да чем придётся. Однажды даже попал — грызуна швырнуло набок, и тот, натужно вскочив, едва удрал. Со временем удалось загнать зверька под трухлявый пенёк. Гиргельм присел на тот. Присел вместо того, дабы живо разворотить податливую древесину...

Первые мгновения отдышал, прикрыв глаза, потом начал поневоле блуждать взором. Всюду опостылевшее полотно крапчатой землистой серости: бурой, желтушной, пепельной, выцветшей, заунывной и мелко подрагивающей... Он опять опустил голову, возвращаясь к затаившемуся грызуну, но что-то бегло резануло взгляд! Сорник опять принялся цепко оглядывать округу, но не примечал ничего необычного. Померещилось, решил он и спорбился на пеньке. И сызнава что-то, неприметное, ускользающее, вспыхнуло на долю мгновения! На сей раз бродяга даже успел запомнить что именно: выросшие из пустоты, общипанные ветви раскидистого высокого дерева. Гиргельм поморщился: поблизости росла лишь мелочь, а нечто похожее, подёрнутое хмарью, едва виднелось с расстояния в треть лиги. Не сводя взора, голодранец заёрзал на пеньке и вскоре опять разобрал то, что хотел. Отныне стало понятно, что он заметил здоровенный граб и... новую небыль! Небыль, что располагалась где-то меж ним да деревом и, словно чудесное стекло, делала даль близкой и вдобавок не считалась с туманом.

Забыв про душкана, сорник слез с пенька и, не опуская глаз, побрёл к таящейся диковине. При шагах она то и дело пропадала, но после шустрым росчерком проявлялась сызнава. Тем не менее следовало поторапливаться: всякая небыль имела обыкновение угасать. Однако её можно было спасти!..

Про небыль баяли разное. Большинство твердило, что таковым вещицам и тварям не место в нашем мире, и они не более чем рассыпающиеся мороки, смущающие взор видения. Остальные противоречили, убеждая, якобы наносные ошмётки иного бытия могут прижиться и здесь! Как уберечь небыль от тлетворного влияния сего света, люди токмо гадали. Одни

заверяли, что чудеса, подобно ржавеющему железу, надобно потчевать кровью. Вторые хвалились, будто обошлись в сём деле песнями и учтивыми поклонами. Третьи советовали не увлекаться служением диву, а больше упираться на запугивание оногo. Прочие и вовсе отмахивались, говоря, что хватит и заточения в хладном тёмном подвале. Словом, сходились на том, что с каждой диковиной нужно своё обращение.

Как-то, ещё в пору пребывания в шайке, Гиргельм сумел уберечь одну небыль. Сыскал к той подход. После одного странного дождя, когда раскаты грома слышались, лишь стоило зажать уши, разбойник обнаружил приметную плошку. Та пребывала в луже (как бы на дне и в то же время показываясь снаружи), и последняя постепенно пересохла. Сорник подобрал находку и нередко пользовался ею. Мог напоить из крохотной деревянной миски хоть коня, хоть всю свою ватагу (водица, правда, имела неважный привкус)! Дабы плошка не растаяла в воздухе, надо было всего-то ежедневно вливать в неё струйку любой влаги (скисшее молоко, либо дорогое вино — всё равно на выходе окажется затхлая водица). И потерял небыль тоже после очередного гадкого дождя, грязивня, что больше засыпал песком и окатывал слякотью. Плошку вместе с пожитками (да весь бивак!) погребло где-то под наносами земли — покуда нашёл, от чуда уцелел один тускнеющий, подрагивающий морок, что уже было без толку потчевать водой...

...Гиргельм одолел примерно четверть пути по бездорожью, когда заметил на бегу нечто новое, смутившее ум. Очертания людской фигуры, кою мельком явила небыль. Сорник остановился, закачался на месте, выискивая «проблеск» чуда. Нужное вскоре удалось: возле граба, воистину, обнаружился закутанный в серый балахон до пят незнакомец. Гиргельм наострил взор: поведение человека показалось странным. Тот по-особому притрагивался к древесному стволу, плавно водил руками в перчатках и принимал молитвенные позы.

«Жрец! — дёрнувшись, распознал бродяга. — Как есть жрец! Знать бы ещё какой? Вот бы посланник Светозарной Ирсии!...»

Гиргельм не сдвигался, неотрывно всматриваясь в сказочно пронизанную даль. Силился разобрать, кому именно мог служить встречный? Околачивался тот возле граба и посему вполне мог оказаться служителем Пастыря Лесов, Ветвеглавого Зибера. Но невыразительным видом больше смахивал на присного Кора, неприкаянного божества всех хворых и калек. Гиргельму недавно попался один такой врачеватель: при виде метки Владыки Нор — отшатнулся подальше. А после пробормотал, что сия мерзость не угодна его божеству; а желаемы всякие хрипы, простуды да кашель. Посему жрец забрал у горемыки насморк и, зашмыгав носом, поспешно удалился...

...Наконец незнакомец обернулся и задрал голову: из-под свесившегося капюшона проглянула часть лица. Рот в коросте, чёрные зубы, усыпанная струпьями кожа, ввалившийся и сгнивший нос с одной ноздрёй...

Жрец Смардного Эшарга!

Свой...

Захрипев, сорник покачнулся и живо припал к хладной мокрой земле. Ведь небыль старалась в обе стороны: смердейший мог заметить Гиргельма! Мог признать беглеца из храма... Возможно, он и шатался тут в поисках отступника?

Бродяга развернулся и, согнувшись, посеменил в обратном направлении. Дорогой он весь трясся и часто оборачивался, напрочь забыв о чудесной, могущей поправить его жизнь диковине.

Дав немалый крюк, Гиргельм вернулся к Пряному тракту. Но не к своему излюбленному местечку, а чуть западнее, подальше от Сточного перепутья. Сторонясь тех краёв, куда, по подозрениям, мог податься чумной служитель.

Сорник огляделся. Каменистая, спускающаяся с заросшего и едва просматривающегося увала, тропа; понизу всё голо, ни кустов, ни ложбины балки. Так себе место для засады: вер-

ховые тут рысят бодро, без всякой опаски, и перелесок глушит стук копыт; а всякому лиходею остаётся залечь лишь в отдалении от дороги. Можно, разумеется, забраться выше, в сумрак убогой пуши, но, как знал былой ватажник, путники начеку именно в подобных местах!.. Караулить на опушке тоже не резон, ибо заранее никогда не ясно, кому достанется участь жертвы?.. Наилучшим татю показался клочок травянистого поля посреди большой луки, коей кривилась дорога спустя сотню локтей после съезда: оттуда можно было как разглядеть путников, так и догнать тех (при надобности) на окончании изгиба. Отыскав местечко помягче, Гиргельм разлёгся на испускающей горьковато-кислый дух подстилке из выдранной полыни. Полакомился попавшимся жирным слизнем и принялся подстергать.

Ожидание тянулось, и бродяга, распалив нежной улиткой голод, начал подумывать, не обглодать ли ещё говорону, коя хрипло бормотала неподалёку? Сии твари, вылезавшие из гнёзд обычных ворон (и зачастую обликом похожие на последних), отличались тихим нравом; а "болтать" (пару дней, с перерывами) непостижимо принимались токмо в смрад издохнув! Умение же пробавляться падалью проявилось у сорника после пребывания в храме Эшарга. В отличие от маститых жрецов, вонючая сыть была Гиргельму откровенно противна, но без сего омерзительного дара горемыка давно бы протянул ноги. Гадая, стоит ли столь гадко перекусывать, он незаметно для себя задремал.

Сон опутывал душными, липкими узами. Кругом бесконечными волнами растекалась непроглядная серая пелена. На диво ловкий и неутомимый, Гиргельм брёл сквозь ту наугад, но, сколь бы ни продвигался, ничего не менялось. Бесконечное море зыби мягко накаtywало, надёжно скрывая всё под белёсо-пепельной кисеей. Чудилось, будто минули день, седмица или даже год?.. Настал черёд, когда одиночка понял, что безнадёжно потерялся в тумане. Замедлил шаг, встал, опустилс я наземь и закаменел. Время незримо клубилось наплывшей хмурой тучей. Тянулась тоскливая безмятежная вечность. Гладила касаниями хмари. Развлекала стаями миражей. Те налетали, ломкие, неясные, суетливые. И вскоре, бессильные, гасли без следа...

— Ты искал меня? — спросил один, в бахроме из марева.

Гиргельм даже не ворохнулся.

— Ты оглох, что ли, тебя вопрошаю?! — потребовал морок.

— Кто ты таков, дабы меня туманить?

— Слеп, что ли, болван! А то не ясно, кто?!..

Сорник пригляделся. Наружность незнакомца обрисовалась чётче, проступили черты просветлевшего обличья: выдающиеся скулы, сжатый в гневе рот, отливающие золотистым багрянцем очи.

— Жрец Светозарной! — выкрикнул он мелькнувшую догадку. — Слава богине...

Бедолага взялся поспешать: вскакивать на ноги, рассыпаться в извинениях и, потрясая увечной десницей, твердить о своей горькой доле. Всё оное вместе вылилось в нелепую суету, коя изрядно смутила встречного.

— Алчешь, дабы я стёр поганую метку? — наконец разобрался тот и, узрев кивок, примолвил: — Будет больно...

Гиргельм повторно мотнул головой и, вытянув порченую руку, испуганно сжался.

Страхнув невзрачные отрепья, жрец предстал в переливающимся церемониальном облачении. Багровая мантия, лимонный камзол, рыжие шаровары, алые пулены, с вздёрнутыми носами; повсюду извивы змеистого шитья и золотистая оторочка. Он застыл в сосредоточении. Зрачки блеснули живым огнём и лениво расширились. Надменное лицо, озарившись внутренним сиянием, стало возвышенно утончённым. Служитель Ирсии выпрямился: длани ритуально сложены, персты скрючены в сакральных жестах, уста дрожат в безмолвных воззваниях...

Вскоре, вырываясь наружу, в его глазницах уже полыхало сущее пламя, а сама плоть мерцала, волнуясь, будто свеча на ветру. Изгоняя серость и тени, над головой жреца понемногу

заревом набухал роистый клубок. Оный, бурный от мельтешения искр да сгустков, вобравший вереницу закатных тонов, знаменовал Око богини! Поколе на него, смеженное, ещё можно было взирать, но вот когда богиня распахнёт веки!..

— А кто... — кашлянув и прервавшись, негаданно любопытствовал светозарый у бродяги, — кто ты будешь без своей раны?

— Кто я?..

...— Да я сын Ирбелхага Хмурого! — рывкнул Гиргельм, одним махом скинув путы сна. — Старший...

Отвечать уже не имело смысла.

Да и было ли что?..

Кто он? Кто?..

Не оруженосец. Не наёмник. Даже не ватажный тать...

Никто.

Просто лишний сор в Сорных краях!..

Он взвыл швакалом и тут же заткнулся, ибо так можно было перепугать всех путников. Поднявшись с мокрой полыни, тать бегло осмотрелся. С первого взгляда показалось, что ни тучи не изменилось. Гиргельм опять опустился на карачки, когда в пустой утробе шелохнулось подозрение, будто что-то не так, как доньше. Он сызнава привстал и начал бдительно изучать неприглядный окоём⁵. Спустя недолгое время, сорник узрел то, что его невольно смутило. Шагах в тридцати, трава на обочине была несколько примята.

Он решил проверить. Подойдя, и вправду заметил кое-что значимое. По тракту, пропадая в лужах и на камнях, вились следы от копыт. Свежие. Оставленные, поколе бродяга метался в дрёме. Ушедшие с грязи дороги, прямо в гущу разнотравья. Теряющиеся в колеблющейся на ветру белёсой пелене.

«Позади гарь, впереди хмарь», — вспомнилось старое, в туманный раз показавшееся дурацким, присловье, и Гиргельм, шагнув в бурьян, двинулся по недавнему следу. Шагать по полю было той ещё отрадой! Земля будто корчилась под ступнями, вся изойдя неприметными буераками. Удерживая легионом жалких нитей, усыпанные каплями травы липли к коленям. Левая нога взялась привычно ныть...

«Неужто померещилось? Неужто...» — вздыхая, гадал разбойник и, взглядываясь в зыбь, хромал дальше.

Он миновал несколько топких, блещущих серебром водицы промоин, вскарабкался на облысевший бугор и спустился в круг серо-зелёных замшелых валунов, когда показалось кое-что занятное. Завеса, колышущаяся, будто вытекающее гигантское бельмо, вдали, локтях в трёхстах, налилась тёмным пятнышком. И оно продолжало расти и густеть, покуда не обратилось в очертания всадника.

Скривившись, Гиргельм прибавил. Хотя бы для того, дабы понять, по зубам ли ему сия жертва? Вершник едва плелся, и сие обстоятельство могло означать многое.

Ему не к спеху?

Он не торопится, ибо не знает округи?

Он ранен и ослаб?

Он силён и сам ищет приключений иль поживы?

Гиргельм всей душой уповал, дабы не было верным последнее предположение. Столкнуться с настоящим рыцарем или опытным головорезом стало бы настоящим вызовом и в старые, почитай, добрые времена! Чего уж говорить про день текущий...

Пробувнив сбивчивую молитву Многорукой Тасимии, бродяга решил испытать то, с чем у него извечно бывали промахи, а именно удачу, и прибавил ходу. Должно быть, воззвание

⁵ Окоём (устар.) — пространство, которое можно окинуть взглядом; горизонт.

пришлось богине судеб по нраву, поскольку опасливый преследователь, как приблизился, не заметил ничего такого, что бы его спугнуло. Серая лошадь шла еле-еле, точно хромая на все ноги, и представлялась сущей клячей. Сам седок, прикрытый старым, линиялым плащом, со спины тоже мнился, скорее, жалким, нежели грозным. Горемычный сын Ирбелхага Хмурого подобрал удобный, вытянутый камень и бросился нагонять...

Когда их стало разделять не более двух дюжин локтей, наездник, мотнув длинными рыжеватыми волосами, обернулся. Тать едва не завопил от предвкушения: он преследовал всадницу, бабу! Бледная и худосочная, та совсем не ожидала повстречаться с разбойником и выглядела испуганной! Округлив потемневшие очи, она принялась понукать и стегать кобылу, но та еле плелась и никак не могла пойти вскачь. Гиргельм же, завидев подходящую добычу, словно позабыл про немощь и болячки. К зубам прилила едкая слюна, а утробу болезненно вывернуло. Его всюю затрясло. Затрясло от разгоревшейся в нутре звериной охоты. Бродяга не разумел, чего хочет больше: ограбить жертву, позабавиться с ней либо же съесть?.. «Когда?! Когда я стал таким мерзким?» — удивился он, разобрав свою алчбу, и замотал лохмами волос на бегу.

Настигнув наездницу, сорник попытался стянуть её наземь, ухватив за край накидки. Всадница покачнулась, но усидела в седле и вдобавок неумело пихнула ногой в ответ. Усмехнувшись, тать уцепился за её сапог, потянул на себя. И еле отскочил, ибо пред его рожей бледно сверкнул росчерк стали! Противница стала опасной, посему Гиргельм обежал лошадь и остановил ту, прихватив под уздцы. Занёс булыжник, угрожая размозжить животине череп.

— Постой, дорогуша, замри! — рявкнул он. — Не бойсь, не стублю! Коли ерепениться не станешь, отделаешься малым...

Лиходей не заикнулся, что «малое» все понимают по-своему. А в Сорных краях особливо! Некие и вовсе зарубят да примолвят, что весьма милостивы, ибо никого толком не мучили!

— У меня ни-ичего нет! — сбивчиво дыша, пролепетала она и невзначай перехватила рукоять небольшого кинжала.

— Не ври, дорогуша, не ври... Ничего нет у меня! — Сын Ирбелхага глумливо выпрямился, призывая взглянуть на себя во всей красе, и пригрозил: — Мне терять нечего: хоть днесь в Пропашие места ступай!..

Она окинула его испуганно-брезгливым взглядом и грубо шевельнула узким ртом, точно готовя ругань, как вздрогнула и побледнела паче прежнего. Перехватив взор, Гиргельм понял, что встречная заметила его мерзкую, обнажившуюся из-за сползшего рукава рану. Помрачнев, он дёрнул десницей, прикрывая метку храма, и твёрдо вознамерился разжиться чужим кинжалом.

— погоди, ты из присных Эшарга? — спросила сорнявка и сдула вбок застязую бледно-зелёный взор, одинокую белую прядь.

— Нет!

— Но твоя рука! Она, как...

— Захлебнись! Не твоё дело... — опуская глаза, молвил сорник.

Его не спрашивали! Ни поганой ямы не спрашивали... Владыку Нор он не выбирал! А то, что несколько месяцев торчал в поганом храме — так вышло...

— Постой, как тебя зовут? — опустив оружие и сияясь улыбнуться, справилась всадница. — Кажется, мы сможем договориться! Я искала кого-то вроде тебя!..

Гиргельм невольно вздрогнул от её странных речей, не уловив, как всё так повернулось, что он из татя превратился в поживу?..

Глава 2. Гиргельм.

Хижина, где ютилась Игленбольда, была тесной и убогой. Ей вместе с крепким стариком Беркхерлом, что и соорудил халупу, там едва хватало места. Всего одна комнатёнка да небольшой, занавешенный шкурами закуток у выхода. Пол земляной, посередке, в круге закопчённых булыжников — небольшой очаг, едкий дым от коего уплывал через дыру в крыше. Из удобств токмо большой ларь, пара крытых мешковиной лавок, кособокий столик да пук соломы поодаль от открытого огня.

Так себе жилище...

Но притомившемуся от скитаний Гиргельму представлялось едва ли не сказочным дворцом!

Со снедью дело обстояло похожим образом. Сухарь, варёные коренья и жидкая похлёбка из сладковатой травы да костлявой птахи. Весьма скверная пища, коли помыслить. Но всё же людская, ибо там не имелось ни червей, ни сырой падали, ни тухлятины... Для потерявшего всякую привередливость бедолаги — попросту отменная! Поколе он уписывал яства за обе щёки, его слух услаждала хозяйка лачуги, по своему почину взявшаяся за повествование.

Она была родом из замка Веллингшайд, угрюмо горбившегося над окоёмом Сокрытых полей, кои за Оскалом Эшарга. Замок был немал и столь древен, что даже по меркам Сорных краёв больше походил на забытые руины; а ютилось там куда больше живых душ, нежели полагалось по любому, даже самому нелепому, разумению. Ели там не всякий день и далеко не все. Как и прочие, Игленбольда сызмальства чаяла навсегда покинуть удушливые родимые края. Когда пришёл черёд, её отдали замуж за сына Ринукорла Жирного, Хлезкера. Сын был старший (что внушало опасения) и более того бездетный вдовец, но считавшийся любимчиком отца, посему партия мнилась выгодной. Наспех распрощавшись с родичами и услышав от тех напутствие никогда не возвращаться, невеста пустилась в нелёгкое путешествие...

Перебравшись через Разлом по Склизкому мосту, она отправилась в Трухлявые яры, к супругу. Они сыграли свадьбу, и дальнейшее житьё на пару лет показалось молодой жене едва ли не сказкой! Ринукорл Жирный всё толстел, покуда не опух до той крайности, что перестал залезать даже в повозку (что пришла на смену коням, коих местных владетель ещё осёдлывал в молодые годы). Отец понемногу упустил влияние над вотчиной, а Хлезкер постепенно прибирал. Был он отчаян, горяч и беспринципен. Нередко многих поколачивал, в том числе Игленбольду; разок так перестарался, что их дитя родилось мёртвым, но ей, памятуя о прозябания в Веллингшаиде, пришлось мужа спешно простить... Младшие братья нехотя признавали его силу: скалились всё скромнее, а кланялись всё ниже. Их покорность, даже услужливость, стали привычны настолько, что Хлезкер поневоле забылся...

А тревожиться было с чего! Толстяк Ринукорл, ненасытно обдиравший весь подвластный люд, однажды не сдержался и пообедал всласть, до заворота кишок. Хлезкер властно сел в отцовское кресло в замке Флокендорф и стал аромароном Трухлявых яров. Прочая родня, коей милостиво позволили остаться приживалами, рукоплескала... Новый властитель взялся за добрые, пригодные для прославления деяния! С присущим пылом начал по клочку отгрызать соседские земли. Отобрал Мутный ручей, присвоил Поганный дол, принялся за Херову лощину... С оной её полноправный хозяин Марбарик Чахлый никак не желал расставаться — с ратью вышел отстоять клочок своих угодий. Побоища Хлезкер не страшился и тому, верно, был даже рад. Брата Албевиха отправил на разведку, брата Шердегифа отослал в укромную сторонку, дабы вмешался в сечу в самый нужный черёд. Братья были рады стараться... Супруг Игленбольды разделил силы и с двух концов ударил по недружному строю Марбарика: уж коли одно крыло не преуспеет, тогда второе, нагрянув с оттяжкой, сомнёт остатки упорного неприятеля. Его ждало разочарование: враг подготовился (хоть разведка о том молчала), укрепился

так, что ни первый, ни второй удары его не опрокинули. Хлезкер осерчал, не ведая, что его ожидает нечто худшее. Запасной полк брата не пришёл, когда был должен. Вместо того, нахлынув с тыла, явилось подкрепление к силам Марбарика! Пред своею кончиною постиг Хлезкер, что братья предали его и всегда старались лишь себе во благо!.. Они разделили меж собой вотчину аромарона и, дабы их не трогали, вернули соседям завоёванные первенцем Ринукорла земли. Игленбольда же, как мешавшаяся вдова, была вынуждена бежать от вероломной родни куда лужи зовут в сопровождении уцелевшего после проигранной битвы, верного слуги...

... — Недовольна своей долей? — завидно оглядывая лачугу, бросил гость.

— С чего быть довольной?.. — хозяйка раздражённо вытянула и без того тощее, удлинённое лицо.

— Глянь на меня, дорогуша! — горько усмехнулся Гиргельм и сыто икнул. — И-и, дождь-водождь, уяснишь, ка-ак может выглядеть сущее недовольство!

— Так ты не простой бродяга?

— Я старший сын Ирбелхага Хмурого, и кабы Тасимия видала хоть с ноготок, сидел бы днесь в замке Дахемшельд, что довлеет над Сизыми топяи! — Он выпрямился, расправил плечи и горделиво поиграл бровями.

Склонив голову набок, вдова посмотрела на него с лукавым прищуром. Помедлила малость и, прищёлкнув перстами, подозвала Беркхерла. Что-то шепнула ему, а сама подцепила кружку гостя. Остатки воды с шипеньем выплеснула на камни очага. Как старик вернулся, на треть наполнила кружку новым питьём.

Гиргельм шмыгнул ноздрями. Винный дух ударил в нос. Сорник содрогнулся.

Последний раз, когда ему подливала баба — всё кончилось препаршиво! В смрад препаршиво...

Но как давно он душевно не бражничал?! Коли позабыть про дурманную небыль...

Главное не нализаться в туман...

Гиргельм выпил залпом. Закашлялся. Как и ожидалось, пойло оказалось прескверным! Смесь ядрёного уксуса, прелых трав и мочи. Но показалось сносным, ибо другого не предлагали.

— Я-я сидел бы-ы в замке, но Швешка дала мне трёх поганых братьев!.. — продолжил гость, понемногу сомлевая от разливающегося по жилам тепла. — Два из них — продутые придурки, зато третий — чересчур удачлив... Благодаря им, ублюдкам, я не сохну нынче в собственном замке, а мыкаюсь по полям, по долам, будто мокрый зверь!

Отяжелев, его голова поникла, помутившийся взор безвольно стёк вниз. В глаза бросились задубевшие от грязи лохмотья, невзрачно белеющая сквозь прорехи чумазая кожа... И наливающаяся гнилой тьмой, уродливая метка Эшарга на деснице!

Злость накатила обжигающей волной.

— Загнанный зверь!.. — уточнил бедолага и, захрипев, задрал рукав к локтю. — Эй, хозяйка, острого ножа не найдётся? А лучше углей пожарче!..

— Повремени, — молвила она, догадываясь, к чему клонит гость. — Ещё сгодится...

— Мне — нет! — бешено сверкая зенками, рявкнул беглец из храма.

Гнить заживо во славу Эшарга — та ещё услада! Но куда страшней, когда щёлкнет в прогнутшей черепушке и станет мниться, будто ты совершенен, а смердит всё округ!.. Так происходит со всеми жрецами Тёмного Супруга, и покорно ожидать сей черёд не для сына Ирбелхага Хмурого.

— А мне — да! — Игленбольда прямо встретила его свирепый пригляд, да ещё и привстала, нависнув над Гиргельмом длинным худосочным телом.

— Ты что, думаешь пойти супротив дражайшей родни?! — поняв, он улыбнулся ей, сколь мог зубасто.

У него самого сие не вышло. Хотя поначалу казалось, что всё идёт как нельзя лучше...

...Как не стало отца, меж сыновьями затеялись свары. Гиргельм был старшим, но, зная обычаи родины, на многое не зарился. Высказал идею одного из братьев поделить угоды меж ними всеми, четырьмя. Его речи были встречены презрительным смехом. Экбельдин Смешливый, средний средь них, возопил, что их пращуры не для того бежали в Сорные края, дабы и тут верховодили старшие. Он (уже клятый рыцарь!) был поддержан людьми и посему занял отцовский замок. Гиргельму и двум младшим близнецам не оставалось ничего иного, кроме как заключить союз. Они укрылись на окраине Сизых топей и взялись за тихую усобицу с братом: потихоньку копили воев, понемногу грабили селенья, помалу терзали силы родимого супротивника. Оный, неся ущерб, выходил из себя и дошёл до того, что возжелал стереть братьев с лица земли. Однажды, когда приспели вести об их тайном логове, у него появился такой случай. Собрав силы, Экбельдин двинулся к Дрянному Урочищу. Место для него и впрямь оказалось дрянным, ибо Смешливый постепенно лишился трети солдат, а потом был взят в окруженье и разбит почти подчистую. С горсткой былых сил он бежал к себе в замок. Оставалось токмо его прихлопнуть!.. Однако тупоголовые близнецы, забежав вперёд, уже взялись меж собою выяснять, кому достанется лакомый «кусочек»? Гиргельм отчасти даже понимал их: ведь отцовского наследства было маловато даже для одного, чего уж говорить про большее число охотников... Выяснять принялись спешно и с размахом: поколе старший брат был в разведке, Огерзберд и Зиквешальт угробили друг дружку и заодно немалую часть войск! Гиргельм продолжил войну против оставшегося брата, но тот, нюхнув грязи, стал куда более осмотрительным и опасным. Поймать его на обманку никак не выходило, более того Экбельдин начал брать верх. Постепенно, но неумолимо. Когда у Гиргельма кончились воины, он, стиснув зубы, пошёл на службу к исконному недругу Шрангорцу Хваткому, но не преуспел и там...

...— Они сгубили моего мужа! — процедила вдова и опустила на лавку. — Зрит Иалана, он явно был не из лучших... но всё же он был мой! Мне их простить, забыть и гнить тут в глуши до конца лет?

Гиргельм невольно покосился на неё по-новому. Игленбольда неуловимо преобразилась. Может, свет от очага так упал или попросту вино ударило в голову? Под «обносками» неказистой замухрышки проглянула стать подлинной дамы, прелестной в сдержанном гневе. Бродяга сглотнул, лишь теперь разобрав, что ещё до кое-чего голоден...

— Я мнил похожим манером! Но, поверь, чем дальше всё заходило, тем гуще был туман...

Образы трупными личинками завозились в сумраке памяти. Он вздрогнул и поневоле сгорбился, засаленные нечёсанные космы свесились, заслонив взор.

Тут раздался стук в ветхую, сбитую из гнилья, дверь. Собравшиеся в хибаре переглянулись. В очах вдовы блеснули искорки трепета.

— Кого ещё там вылило на ночь глядя? — гаркнула она хрипло.

Снаружи донёсся невнятный звонкий писк.

— Тидрих! — отозвался старик и убрал десницу с ножа.

— А... ну, тогда, мой добрый Берк, молви твоему внучку, дабы проваливал нынче отсюда! И без него тут не потянутся.

Дёрнув щекой, соратник былой ароматроны отодвинул хлипкий засов, но загородил проход. Вместе с овеявшим душком из-за порога показался малец лет семи: токмо выглянул побагровевшим от догорающего заката лицом и, заметив чужака, притаился за фигурой Беркхерла. Чужак тоже кое-чего приметил: прикрыв левое око, рожу дитяти наискось пересекала старая тряпица. Перемежая сиплый басок и юный писк, у порога зашептались. Вскоре разговоры смолкли, и выклянчивший немного снеди внучок убрался восвояси. А Игленбольда, улыбнувшись, сызнава позаботилась, дабы кружка сорника не казалась дна.

— Урожай не соберёшь — не запачкавшись в земле! — молвив поговоркой, обитательница жалкой лачуги вернулась к старым речам. — Но я долго раздумывала, какие посадить зёрна!..

Отлипнув от выпивки, гость поднял взгляд. Отныне в облике вдовы было больше земного. Ловкая, расчётливая, не больно смазливая (хоть и не дурнушка)... Порой такие достаются в Сорных краях старшим братьям.

А ведь она (или похожая?) могла бы стать его женой! Кабы он дерзнул в пору свары с Экбельдином решиться на супружество. Старший отпрыск владыки отложил сей шаг до лучшей поры, но она так и не настала. Дальше было мокрее и мокрей...

Молчание чужака явно было расценено хозяйкой как повод для новых попыток:

— Мной движет не одна месть! Но ещё и забота, ведь я сиднем не сидела! О здравии пеклась, по храмам Кахайны ездила... И добила желаемого. Не скрою, поздно... лишь когда потеряла супруга, тогда и обрела!.. — Она горько вздохнула и недолго безотчётно накручивала серебряную прядку на тонкий перст. — Да, те, кто днесь заправляют во Флокендорфе, мне никогда не поверят. Но поверит простой люд! О, у меня найдётся, что ему явить!..

Она загадочно примолкла, предоставив уроженцу Дахемшельда обо всём догадываться самому. А тот не стал шибко напрягать голову, почёл выпить да ещё малость окосеть.

— Говоришь, ты не простой бродяга, но и не присный Эшарга? А ведь похож жутко!.. — как бы невзначай молвила вдова. Она потянулась подлить ему ещё поила, но он столь отчаянно отмахнулся, что хозяйка не стала настаивать. — Они, бают, шибко сродняются с лютой заразой, что её не страшатся более?

Он скривился от того, куда полилась беседа, но ответил, что маститые жрецы и есть самая страшная зараза; а вот неофиты да всякие служки своим хворям совсем не рады. Игленбольда жалостливо кивнула и полюбопытствовала касаясь сказок, будто все прислужники Смердного ни ядовитых миазмов, ни смрада не чуют; а здешний воздух их даже пьянит? Гиргельм рассмеялся и отозвался, что, в общем, всё так, но он покуда не встречал тех, кто предпочитал бы кувшину вина — местные туманы!.. Сорнявка улыбнулась и справилась касаясь его самого.

— Никакая зараза, окромя оной, — он чуть прихвастнул и покосился на чернеющую руку, — меня не берёт!

Блеснув диким, точно болотина, взором, былая ароматрона лукаво потупилась и некое время безмолвствовала. Старший сын Ирбелхага Хмурого задумчиво почесал заросший колтунами подбородок.

Супружество? Может, тогда он поступил неверно? Не туда свернул по тракту жизни?..

— А что про клады моросят — правда? Верно ли, что присные Эшарга на богатства нюх имеют? Ведают, где земля клады ото всех таит?

— Его недаром прозывают Кладовником! Тухляки, то бишь жрецы, чтоб их Ирсия припекла, за века нагребли горы сокровищ, кои в тайных логовах хранят! А избранные проныры могут шарить сквозь земную твердь мерзкими приглядами: зрят они клады забытые да рудные жилы ценные!..

Игленбольда сызнова попотчевала гостя скромной улыбкой и справилась о его дарах.

— Хоть мне и мнится, что я мокнул у поганцев до мерзости долго — для тайных умений сего маловато. Недра не вижу, где закопано добро — тоже, иначе не шатался бы вдоль дорог да троп. Копал бы что есть мочи!.. — Бродяга дёрнул ртом, помедлил, и, пробирая хозяйку тёмным взором, вкрадчиво приврал: — Но угадала, есть у меня кой-какая безделица! Невеликая, но всё же... Чую я, как побыл с гадами, кто беден, а кто богат.

Они неловко, с придушенными смешками, переглянулись.

— Не ясноём какой дар, — признал он, мотая спутанными лохмами. — Часто и без того всё понятно!.. Вот ты, дорогуша, бедна, — сорвалось у него само. Покатав словеса на языке и мельком обозрев хижину, он уточнил: — Скорее, бедна...

«Бедна, но есть куда катиться с горки!.. Не то что кое-кому иному...»

Она промолчала, напустив на себя уязвлённый вид. Пару вдохов держалась, точно обдумывая всё сказанное, потом отвесила согласный кивок. Игленбольда поправила каштаново-рыжеватые волосы, стряхнула с куцега, безнадежно замызганного платья неприметные соринки и чуть прильнула к столешнице. Послышался лёгкий шорох, Гиргельму показалось, что она на ощупь шарит в тряпье.

— Скорее, бедна, — подтвердила вдова, когда выпрямилась: на тонких устах блуждала тень улыбки, а опущенные, скрытые от глаз ладони что-то таили. — Даже бедна, как народ Гулящих вод. Сберегла лишь кроху, что, уповаю, поможет вернуть мне всё!

Она неспешно подняла длани и выложила на край стола (ближе к себе) небольшую вещицу. Она представляла собой старый браслет из потускневшего серебра. Тонкий, с обколотыми краями, обруч: стёртая вязь из стебельков, трав и змей.

Немалая ценность в Сорных краях! Ой, какая немалая...

Гиргельм замер, силясь, дабы его зенки не забегали.

Его всё же наугад чмокнула слепая Пряха!..

Он набрёл на свою поживу! Вопрос лишь в том, сколь далеко стоит забрести в туман? Забрать побрякушку прямо сей час или же потерпеть и заграбастать больше? Насколько больше, жирнее? И можно ли вообще с тощей содрать жирок?..

Гиргельм призадумался. Коли отнять браслет, оный позволит по-людски протянуть месяц или два. Но до манящих южных чужбин, где можно вдосталь ходить посуху, всё же не доведёт... Причём отнять ещё надобно суметь — вон, как вдова напряглась, доской разогнулась! Аж похорошела! А сама небось жарко мнёт под столом нагой кинжал!..

Нет, слишком незатейливо, точно в тёмной пуще — засада, где её и ждут...

Или вообще послать разбой к Эшаргу? Всё же поначалу Гиргельм был не таков: злую долю не выбирал — она его сама за шиворот подхватила!..

Покуда не подох, отважиться на супружество? Сызнова осчастливить вдову и жить-поживать с ней в жалкой лачуге? Да, отнюдь не замок, но и не хмурое небо над головой. Всё оставшееся время хлебать суп из травы и грызть корешки? Не лучшая сыть, но далеко не черви с падалью. У них с Игленбольдой (ежели Эшарг не сгубит да Кахайна подсобит) даже могут быть чада! И однажды один из его сыновей отстоит у братьев сию хижину, а оставшиеся без крова побредут в дождливую хмарь, дабы попытаться отыскать иную долю... Однако тут возможна закавыка! Дурёха ещё не нахлебалась вдосталь от младших (всё мечтает их скovyрнуть) — может заартачиться! И переупрямить её, поколе близ верный прислужник, будет непросто. Посему надобно избавиться от Беркхерла! Хотя бы до срока приголубить потроха дубьём по макушке...

Гиргельм ненароком повернул всклокоченную голову. Покосился за спину. И, скорее, ощутил, чем узрел, что прислужник застыл позади гостя настороже. «Латы в заплатах, черёд и вправду негодный...» — дёрнувшись, признал бродяга. В былые времена он расшиб бы старика в брызги, но не нынче: десница не помощница, шуйцей взять нечего, а ещё и от позабытой сытости тянет ко сну...

Оттого с думами о женитьбе (верно, обязанными своим появлением крепкому хмелю?) сын Ирбелхага Хмурого благоразумно решил повременить. От скуки взялся за изучение чужих замыслов. Игленбольда продолжила вопрошать обо всём, связанном с Эшаргом, и напоследок, сверкая браслетом, полюбопытствовала об одном имеющем дурную славу месте.

— Гнилокруча-а, ха-а?!.. — переспросил бродяга и зашёлся отрывистым хохотом. Потешался до тех пор, поколе вся поглощённая снедь настойчиво не попросилась обратно...

Глава 3. Гиргельм.

С кручи замок был виден как на ладони. Старым пнём вырастал из толщи мнящегося приземистым, изрытого утёса и бросал тень на мутную речушку, струящуюся среди заросших мелких заводей. Неказистые серо-бурые строения, точно развороченные щепки, сторонились одинокой покосившейся башни, криво слепленной из здоровенных валунов. Деревянный, кое-где накренившийся палисад прикрывал отовсюду, за исключением южной стороны: там словно гигант полоснул клинком — белёсо-меловой, испещрённой дырами склон падал почти отвесно.

«Вот, он каков твой замок, Игленбольда!» — хмуро оценил Гиргельм. Замок, на кой её права были туманными до жути! Пришелица, не ставшая тут своей, вдова, не оставившая явных наследников; будто про неё сочинили давнюю поговорку: «На замок чужой — зенки прикрой». И то, что она властвовала здесь, как ароматрона, несколько лет уже ни грязи не значит! Есть лишь один способ вернуть ей земли — сделать притязания других людей ещё более вонючими... Сорник поскрёб щетину и с кислой усмешкой отметил, что его права на Дахемшельд куда весомее, чем её намеренья касаются Флокендорфа. Однако он уже не раз силился прибрать Сизые топи, и все его потуги увязли в болоте. Возможно, стоит испытать удачу в Трухлявых ярах? Притом они недалеко от его родных мест... Всё равно ничего иного не предлагали — разве что вернуться на обочину тракта. К тому же вдова при расставании была чуть более мила, чем подобало: «Коли всё удастся, мне может понадобится защитник!» Так она сулила, улыбаясь чахло и ранимо...

Он смахнул с ресниц дождевые капли и перевёл взор вбок. Восточнее седую пелену малость развеяло: сквозь морось проглянула взбугренная изжелта-бурая скатерть земли. На четверть лиги поодаль от оплота завиднелись мельтешащие соринки людей. Одни блёстками разметало по макушкам холмов, другие, ползущие тем навстречу, кучно двигались по дну большого оврага.

Гиргельм прищурился, наострив взор. Обстановка остро напоминала ему назревающую потасовку. А потасовки — то, что ему было нужно меньше всего!

Сорник устроился поудобнее, намереваясь поглазеть, чем завершится дело, как задул сырой, обдавший свинарником ветер, и всю картину затянуло хмурой завесой.

Он зло сплюнул.

Дождь-водождь, как всегда не вовремя!..

Может, всё же учения? Ведь в крепость, припекаемую жаром войны, попасть трудно-вато...

Однако замок поколе точно не осаждён! Посему ещё что-то можно предпринять. Хотя бы подобраться поближе, разведать положение дел...

Запомнив, какими тропами подойти к твердыне, он натужно распрямился. Потом чертыхнулся, остро ощутив потерю: последние дни сокровище, холодея за пазухой, грело его сердце крепчавшей надеждой. Пришлось опять согнуться, приникнуть к влажной земле и шарить пятернёй шуйцы под замшелым осклизлым валуном. Когда персты наткнулись на нечто твёрдое и холодное, бродяга довольно растянул рот шире.

Вещица ещё сослужит ему службу! Так или иначе...

Но теперь ему нужно во Флокендорф!

Легко сказать...

Такого как он не ждут в замке!

Коли признаться — нигде не ждут...

Окромя поганого храма!..

С сорвавшимся громким проклятием он поднялся. Гневно воззрился на обволакиваемую лохмами тумана твердыню на утёсе. Лишь бы повернуть паршивое дельце, и тогда...

Они заплатят!

Все заплатят!..

Стиснув рукоять кинжала, он позволил себе насладиться грёзами будущей мести. Малость упившись сладким мороком, сорник развернулся и начал спускаться. Сделал корявый шаг и, гости по ваши кости, застыл столбом...

На него, помалкивая, пялились трое. Трое хмурых оружных крепышей. По правде, здоровяк (весь косматый, вдобавок в меховом плаще) среди них был всего один. Вторым (лысый, с разлапистыми рыжими усами) всего-то недобро тянул меч из ножен. А вот третьего (тщедушного задохлика по виду) он просто знал. Его кликали Крысой, и тот был из той же, что и Гиргельм, шайки.

Прикрыв шуйцей рожу, старший сын Ирбелхага Хмурого повинно скорчился. И про себя помянул Швеяшку... суку протёртую: ведь он не собирался требовать плату именно нынче! Для мести важны подготовка и свой черёд. Шпорами по горлу, подходящий черёд!..

— Кто таков, замухрышка? — потребовал незнакомый лохматый ватажник.

Замухрышка? Гиргельм мог поспорить, что прежде выглядел ещё дрянней! Игленбольда малость остригла ему волосы да одарила слуги кафтаном, на коем сукно преобладало над дырками.

— Бродяга, токмо и всего...

— А чего тогда бродишь тут подле замка? — спросил лысый лиходей.

— Хотел проведать, куда дорога завела? — Сын Ирбелхага не смел поднять головы и, уповая, что его не признают, размазал чёлку по лицу. — Куда, добрые люди, не подскажете?

— К нам! — расхохотавшись, дружно грянули оба новеньких разбойника. — Знаешь, кто мы?

Он знал... но безмолвно помотал вихрами.

— Мы «Могильщики из Шегварни». Может, слышал?

Он повторил телодвижение. Покуда не проведали, следовало держаться избранной стёжки. Возможно, пронесёт?..

— Нам все платят! — пискляво, но донельзя важно возвестил Крыса (его имя всё никак не вылезало из склепа былых времён). — А дурачки, что кочевряжатся, платят могиле!

Гиргельм хотел молвить, что у него ничего нет, но благоразумно прикусил язык. Отговорки грабителей токмо бесят.

— Рад был бы заплатить погуще, да нечем!.. — Он выложил пред собой всё оставшееся добро: котомку со снедью, мешочек с тройкой медяков, кинжал. Скрывать проку нет — всё равно отберут, коли обыщут, да притом обозлятся. А так, ежели явишь душу без тумана, бывало, особо не лютовали. Лишь бы одежду оставили: без оной в замок попасть можно всего одним путём, в клетке, будто дивная зверюга. Что до прочего барахлишка — он всё запомнит и сторицей взыщет в свою пору!

— Глянь, да мужик бывалый! — одобрил усач после того, как подобрал монетки и разделил меж всеми. На кинжал он тоже было позарился, но сравнил со своим тесаком и чужое отпихнул сапогом.

— Дорога обучила, люди добрые... — смиренно отозвался обворованный тать.

Разбойники понимающе покивали, а тощий поганец, присматриваясь, добавил:

— Знать, много с дорогой знался! Уж не мыкался ли ты близ обочины?

«Ну вот, токмо "выплыл воздуха хлебнуть", а тут ливень, с дерьмом грязивень!..», — холодея, ощутил Гиргельм. Он промолчал, напустив вид, что не расслышал вопроса.

— О, да, гузно просиживал!.. — приблизившись, воскликнул Крыса. — Робяты, он нас дурит — он из наших! Был из наших, пока вас ещё не надуло. Но, курва, тихим дождиком убрался к чужакам! И знаете к кому? К сраным «Канальям»!

— Так ведь они... — пробормотал лохматый битюг и насутился.

— Вот-вот!.. — подтвердил знакомый поганец.

Усач опять потянул клинок из ножен, а здоровила перехватил увесистую дубину.

Как бывало почти всякий раз, положение перестало быть терпимым. Дабы не оказаться порубленным в труху, надлежало что-то срочно предпринять!..

— Что-что, Ухленгас: убрался к «Канальям»? — с проклёвывающейся злостью поразился Гиргельм, вспомнив имя Крысы, и резко выпрямился. — Ты чего гнилью моросишь, брехун мелкий?! Я по своей воле «Могильщиков» не покидал!..

— Ну, как знаешь, зови предательство — волей своей мощны, Кислый!.. — смешливо затрясся заморыш. — А то не ясно, что «каналы» всегда рады новеньким! Как молвил Цабервихль, «мутные» у них в почёте!..

— Чего ещё брякнул Старикан? Его давно пора менять: протух с потрохами!..

— И сажать твой задок на его место?

Старший сын Ирбелхага постарался не шелохнуться. Ибо укол пришёлся к месту! Они расстались с главарём не при самых погожих делах...

— Каждый мог бы предложить себя: тот же Гацганс или Рюгель... — хмуро отозвался Гиргельм, не распространяясь по поводу того, что его притязания на место атамана были весомыми.

— Ага, у «Каналий» ты понабрался ещё шибче капать с языка!..

Былой ватажник помрачнел и уразумел, что настал черёд решительных шагов. Подъял десницу да спустил рукав пониже:

— Такое я тоже заимел у них?

Узрев метку храма, разбойники чертыхнулись, попятнулись. Даже опустили оружие, на кое перестали сильно полагаться.

— Я не сбежал: Старикан продал меня смердейшим! Насилу выбрался...

Лиходеи ненадолго притихли. То, что узрели, им не приглянулось, однако не настолько, дабы сломя голову бежать прочь.

— Про «Каналий» всякое шепчут... — начал косматый.

— И, главное, где они, паскуды!.. — неясно прибавил лысый.

— Да, Кислый, нагнал ты туману! — почесал подбородок Крыса. — Возможно, тогда соплей навешал именно главарь? А, может, ты нам в уши дуешь? Одним не разобраться — всей братией порешать надо!

Гиргельм вздрогнул, но мигом принял вид, будто от мороси отряхивался. Сызнова видеть мерзкие рожи! Да ещё и уговаривать их... Дожил же! Дожил же до гнили: в былые славные времена (когда крутился меж рыцарей) он зарубил бы каждого встречного татя, не проронив ни звука! И притом слышал бы на свой счёт слова похвалы да шум рукоплесканий...

— Пушок, как самый трухлявый, — обратился к лохматому громиле задохлик, — пригляди за Кислым! Коли удерёт — Цабервихль нам не простит...

— А как он, промочи его кости, проведает? — поворотил широкими плечами⁶ разбойник.

— Так я скажу! — отозвался крысёныш и повелительно указал на «беглого» сотоварища.

На месте Пушка, Гиргельм бы навалил убогому (но более молодому) приятелю по тощей вые. Однако у здоровяка имелись свои соображения: он поморщился, и поступил, как и боль-

⁶ Рамена (устар.) — плечи.

шинство старших в Сорных краях — безропотно повиновался. Опасаясь подступать близко, выставил дубину да пригрозил той, не касаясь бродяги заразного:

— Давай, вонючка, журчи, куда велено!

Тот, кого некогда именовали Кислым, шумно выдохнул и помыслил, не расшугать ли отребье, всюю размахивая больной рукой? Узрел мрачный пригляд Пушка, готового к чужим пакостям, и поколе передумал. Вместо того, начав шагать, потребовал, дабы ему вернули монеты. И дождался ответа, что непременно возвратят, когда убедятся в его правоте; а коли не уверятся, то и всё прочее заберут, ибо мертвецам добро ни к чему.

Спустившись, они двинулись по запетлявшей среди холмов, едва различимой тропе. Оная, огибая склизкие валуны да наполненные водой рытвины, то и дело скрывалась в зарослях, но всякий раз опять проявлялась бурой лентой утоптанной земли. В голове послушно плетущегося, бывшего ватажника неугомонно копошилась пара несправданных вопросов.

Чего тут, далече от Шегварни, делают «Могильщики»?

И куда они вообще направляются?

На один из оных Гиргельм вскоре (когда их троица уверенно пошла на восход от Флендорфа) получил нечто вроде предварительного ответа.

Точно не к аромарону!

Уцепившись за сие уверение, сорник попытался развеять и вторую половину своего неведения. Но сколько ни тяготил ум, не измыслил ничего, кроме того, что «Могильщики» снялись с «обжитых» мест и теперь куролесят в новых землях.

Кручи постепенно мельчали, овраги, напротив, расползались заросшими бурьяном прогромами. Дорогой молчали, разве что Ухленгас полюбопытствовал, как именно Цабервихль смог столкнуться со служителями Эшарга?

— За свою шкуру трясешься? — усмехнулся пленник. — Я бы переживал: думаю, Старикан многих неугодных туда сплавил!..

— А я тебя приведу — вмиг угодным стану! — ощерился тать после заминки.

— Ещё как дельце вымокнет?! Может, и совсем наоборот!.. — излишне восторженно воскликнул Гиргельм, а сам нахмурился.

Правда никого не волнует. А волнует токмо своя шкура!..

Он послушно шёл, но сжимающимся нутром предчувствовал, что лучше — быстрее бежать! Бежать, несмотря на то, что догонять его, хромого, бросятся троё резвых оружных головорезов...

Старые воспоминания, как ни гнал долой, лезли в голову. Первая встреча с «Могильщиками из Шегварни» тоже была ни гноя не милой, но привела к тому, что сын Ирбелхага Хмурого разобрался со старым, надоевшим врагом! Нынче же отчётливо мнилось, что потребуют именно его голову...

Лагерь был разбит в укромной ложине. По центру, рассекая бивак, бежал говорливый ручей. Южный пологий склон весь курчавился порослью молодой рощицы, а северный, более крутой и голый, скат отмечал разве что неглубокий, в полдюжины локтей, зев, под козырьком коего можно было укрыться от ненастья.

Не отвлекаясь на расспросы простых ватажников, Ухленгас добрёл до заброшенного на древесные ветви навеса.

— Эй, Старикан, глянь, кого я на свиданьице привёл!

Разбойник, восседающий на дырявой бочке, приподнял косматую голову. Пробуравил грозным приглядом. Стариканом его звали за немалый срок, что провёл в главарях: в рыжеватой взъерошенной гриве и бороде не виднелось ни одного седого волоска. На прозвище он поначалу сердился, но со временем привык (или токмо напускал вид?).

— А, Кислый... давненько тебя не было! — молвил Цабервихль, осёкшись на недолгий миг. — Как там льётся у «Каналий»?

— Откуда мне знать, Старикан! Я гнил в других местах...

— В других? — потёр широкоую морду атаман и щербато улыбнулся. — А ветер иное доносит...

Поколе округ них не собралась толпа, Гиргельм предпочитал говорить недомолвками:

— Твой ветер давно протух и несёт всякую дурь!

Вожак отвечать не торопился. Молчаливо поднялся с бочки, потянулся и вышел из-под навеса на сумрачный свет дня. Локтях в трёх встал напротив Кислого, ненароком изучая того блуждающим взором.

— Тебя «каналы» по башке охаживали али наши?! — усмехнулся тот и довольно кивнул, когда услышал дружный гогот.

— Да нет, всего одна продажная девка из трактира «Все свиньи» да её гадкое пойло! А, окромя паршивки Нэльзы, мою голову никто более не туманил...

— Втюрился, что ли? — гаркнул кто-то со стороны.

— Разве что в Эшарга... — мрачно отозвался первенец Ирбелхага Хмурого, едва пере-крикивая занявшийся гомон.

— Ну, Кислый, боги — дело сурьёзное, их брехнёй щекотать не стоит!.. — переждав, поколе гвалт поутих, молвил Цабервихль. Его серые глаза засверкали, точно начищенные ножи. — Но тут, помимо твоего тумана, иное складывается! По словам людёв разных (и, заметь, друг с дружкой не знакомых), ты переметнулся к «Канальям», коих мы, сам понимаешь, не жалуем. И самое мокрое: «Канальи» нынче тут, неподалёку — а с ними ты ненароком объявился! Потчуеть нас сказками глупыми...

— Может, спросим обо мне у самих «каналей»?

— Как, продутый ты придурок? С часу на час с ними насмерть грызться начнём!..

Ого, выходит, средь тех людишек, что он зрел с самой кручи, могли быть «каналы» и «могильщики»? Или кто-то ещё?..

У Гиргельма в глотке застрял вопрос, какого ветра тут ищет его былая ватага? Сглотнув, он молвил иное:

— Я говорил, что гнил в других местах — не трепался! — он дёрнул рукав и вздел над собой хворую, почерневшую десницу. Притом завертелся, дабы оную стало видно всем. — Старикан продал меня смердейшим! Во «Всех свиньях» у него — свои плуты да прихлебалы! И продал-то всего за пять медяков, как любезно поведали мне в самом храме. Им не было прока врать — не чаяли, что смогу удрать! Я месяц торчал в колодках, поколе не...

...Никого не держали в оковах так долго. Даже мертвецов. От живых ожидали смирения; от заразы — дабы прижилась, окрепла! Воли Гиргельма хватило на седмицу...

Около дюжины бедолаг (в густой мгле не разобрать), за десницы приковали к подходящему на вытянутый стол алтарю: руки бессильно легли в тёмные, выдолбленные в камне желоба. Шуйцы (дабы оными никто не помог себе) у всех посвящаемых благоразумно завели за спины и накрепко притянули. Под заунывные песнопения и утробный рёв труб жрецы приступили к мерзкому обряду. Неторопливо, чахло озарённые огарками свечей, переходили от одного горемыки к другому. Не слушая ни мольбы, ни проклятия... Когда кошмарный на обличье служитель (у коего соплями плоти свисало пол-лица) приблизился, Гиргельм мог лишь вслух посетовать, что у него нет клинка, дабы избавить белый свет от всякой погани! «Вот, штвой хлинок!» — шепеляво усмехнулся смердейший и воткнул ржавый кинжал в предплечье на алтаре. Сын Ирбелхага заорал, резво дёрнулся. Но оковы держали: было не убежать, покуда старое, дрянное железо, раздирая плоть, тянуло длинный разрез. А потом, под истошные крики, осклизлые персты уродливой жрицы грубо развели края раны. И токмо когда в её кровоточащую глубь вдавили смрадный, истекающий гнилью ошмётков, сорник заголосил по-настоящему.

Отныне он один из них! Один из них!..

Потом безногая служительница замотала его руку прелыми тряпками, и присные Эшарга отошли к следующему бедолаге. На долгую седмицу канули в сырой, морозящей каплями тьме. Канули, как и всё прочее... Ибо на свету в ту гадкую вечность осталась одна высоченная статуя их нового бога! Протухший, обрюзгший многоглавый исполин, с ненасытной широкой пастью в раздутом брюхе; длинные тонкие выи тянутся на сотню локтей ввысь. Всё, с макушек пугающих голов до толстых жабьих лапок — покрыто отвратной хворой плотью. Именно оттуда и срезали заразу...

...Кислый выкрикнул обвинения и указал на главаря десницей. Возникло острое желание затолкать оную ему глубоко в пасть да там оставить! Так в расчёте остались бы оба!

На бивак легло неудобное, зябкое безмолвие, кое осмеливался нарушать лишь крапающий дождик. Сын Ирбелхага застыл с нелепо вытянутой рукой. Он не смел шевельнуться, полагая, что малейшее движение обратит против него собравшуюся толпу. И чем дольше стоял, тем острее осознавал всю убогость своих нападков.

Чего он хочет? Справедливости?

От кого? От душегубов?!

Он всеми ветрами продутый придурок!

Хуже, просто сор в Сорных краях...

Однако мгновения текли, а тати не торопились набрасываться на него гурьбой. Даже на смех не поднимали. А хмуρο переглядывались меж собой, да невнятно шептались...

Когда кто-то обозвал главаря хряком, обвинитель не поверил своим ушам. Когда Старикана упрекнули в иных проступках, Гиргельм помотал головой, полагая, что ему померещилось. Токмо когда невпаад заворчала вся ватага, сын Ирбелхага уразумел, что дела атамана — плохи. Цабервихль столь обильных нападков никак не ждал, посему заметно смутился. Он пытался было возражать, но чужие крики уверенно топтали его голос, всё более ломкий и тихий...

Гиргельм довольно оттянул кончик рта в потаённой улыбке.

Наконец-то правосудие свершится!

Мерзавца утопят в луже. Его же вонючей луже!..

И для того даже делать ничего не надобно — токмо стой да дланью указывай!..

Когда атаман откровенно затрясся, шкурой учуяв близкую расправу, в лагерь заявили посторонние. Их было немного, но они каким-то чудом умудрились на время заткнуть ораву возмущённых головорезов.

— Эй, Старикан, ты чего тут разлил за балаган?!

Гиргельм перевёл взор на говорившего и едва сдержал подступивший смех. Незнакомец, разодетый донельзя пёстро, сиял, точно дивная, почти не показывающаяся в Сорных краях радуга! Или, скорее, как горемыка, свидетелющийся с весело рыгнувшим великаном, кой недавно сдуру проглотил целую лавку нарядов! Из-под буро-зеленоватого распахнутого камзола топорщились обмотки сероватой тоги. Плащей было два: длинный лазурный, как положено, ниспадал на спину, а короткий чёрный — свешивался бы на грудь, кабы не был намотан на руку. Широкие жёлтые порты, резко обрываясь, переходили в грязно-малиновые чулки. Узкий сапог стискивал левую ногу до колена, а правой же ноге достало истрепанной сандалиии. Довершала облик соломенная шляпа, к коей были прицеплены рога с рыцарского шлема.

«Свита» особы впечатляла не меньше его платья! Троица стражей и пара девиц. Первым вышагивал лысый высоченный здоровяк: его обнажённый торс не украшали шрамы, а токмо непонятные рисунки; в руках вместо толкового оружия болтался аркан, широкий, точно кушак. С другой стороны плёлся карлик: он всю пыхтел под тягой напяленной брони и едва волочил за собой непомерную (что пришлась бы впору рослому собрату) узловатую дубину. Позади, нелепо мотая головой, шаркал ветхий старикан с самострелом; его деревянный нагрудник донельзя напоминал пивную бочку (коей доселе, верно, и был?). Ближе к господину жались

его спутницы: одна, разодетая, задорно махала знаменем, вторая, вконец потасканная и грязная, скакала полусогнувшись и даже не являла сокрытого под шлемом обличья.

— Твои поганцы готовы, Цабервихль? — обратился к потерявшемуся атаману заявившийся чудак.

Но тот не отвечал, токмо зенками хлопал. Неизвестный повторять не стал, а нетерпеливо рукой взмахнул. К атаману подошла неряха и напоказ постучала себя по шлему рукоятью меча.

— Да-да, готовы-ы, все готовы... — очнувшись, закивал Цабервихль, и толпа сызнава недовольно загомонила.

Ряженный господин нахмурился, а его красотка захихикала и, точно устыдившись, прикрыла личико краешком усыпанного заплатками стяга. Притом потешаться не окончила.

— А знаешь, совсем не похоже, что они готовы стараться ради моего идеального замысла! — некто мотнул всеми своими нарядами. — Хотя, заметь, я по доброте своей, припас для подонков долю, достойную их имени! «Могильщикам» пришлось бы малость полазить по могилам! Но, вижу, мой гений никто не ценит...

Оборвашка с лязгом задрала забрало и, явив чумазию мордашку, харкнула под ноги ватажникам. Вновь поднялся гвалт.

— Обирать покойников? — прокричал кто-то, и гомон приутих.

— Ну, коли у вас останется время?.. А так, разуйте, разденьте их, да хоть сами разденьтесь, а их выгоните из склепов — мне безразлично... — молвила пёстрая особа и закатила глаза. Те, как и наряды, были разными: один — зелёный, другой — лазурный. — Главное, будьте там, куда я вам, гнидам, укажу!

Открыв личико, расфуфыренная прелестница закивала столь убедительно, будто и сама сулила прийти туда к головорезам да обнажиться ради них.

Заметив, что «могильщики» порядком упокоились, приободрился атаман. Он прокашлялся перед речью (как умел лучше всех) и напомнил душегубам, что их ожидает обещанная работёнка, с коей нужно толково управиться. Касаемо себя прибавил, что готов ответить на все наветы, но токмо после схватки. До и во время оной разборки принесут один вред...

— И да, Кислый... — Главарь повернулся к Гиргельму. — Ты тут наболтал изрядно, но как насчёт того, дабы делом подтвердить свои слова?! Дерись с нами! Бейся против «Каналий», и тогда мы опять примем тебя в наши братские ряды! Чего молвите, ребяташки?

Толпа не торопилась с единогласным ответом. Одни одобряюще улюлюкали, иные помалкивали, третьи и вовсе ворчали. Гиргельм отчасти понимал разбойников: многим пришлась по душе проверка схваткой, но мало кто хотел водиться с чумным...

Под дружным (да не больно дружелюбным) приглядом Кислый выдавил улыбку. Он разумел, что должен явить, как ему важно сызнава оказаться среди своих...

Оказаться среди поганых ублюдков!

Он мечтал их увидеть разве что в храме! Ибо там было совсем паршиво... Как сбежал, более не вспоминал о «могильщиках».

Так за подобную милость ещё потребно сражаться! Драться, когда не звенел сталью не один месяц. Махать одной, непривычной к бою рукой. Биться насмерть со злейшими врагами, что щадить не станут. И лучше не впусую биться, как дождь о крышу, а кого-нибудь из «каналий» — прикончить! Как?!

Гроб-разгроб, за что ему такие плевки от судьбы? За что?

— Согласен! — гаркнул он и злобно ощерился.

Тати одобрительно закачали головами, заулыбались. Растянул губы и атаман. Широко и лукаво...

Сын Ирбелхага похолодел. Значит, помимо «каналий» ещё и на «могильщиков» нужно поглядывать! А то не чужие, так свои острым железом угостят...

— А он чего за хмурзик? — Гиргельм мотнул головой: на него хмуро указывал разодетый господин.

Порываясь ответить, вновь невнятно загомонила толпа, и оную пришлось некое время успокаивать. Самым веским «доводом» обладал подслеповато шурящийся старикан: тот вертелся бешеной псиной на всякий громкий глас и шугал своим трясущимся в руках, заряженным самострелом — постепенно примолкли все. Как наступила тишина, особа, коей одного плаща было мало, похлопала в ладоши и разрешила Цабервихлю ответить за всех.

— Да, не пойми кто, ваша благовонная милость. Как бы наш был, но утёк, и отовсюду бают, что перебежал к «Канальям». А сам он заверяет, что не водится с теми, а дела жгёт с самим храмом...

Кислый открыл было рот, дабы внести уточнения, но тут же примолк, подумав, что нынче предстать в подобном свете, возможно, даже лучше? Такое обращение как «хмурзик» — не подразумевает особого уважения. А вот храма Эшарга бояться! Будут опасаться и его слугу...

— Храм, говоришь? — Тощее лицо чудаковатого щёголя ещё более заострилось.

Сын Ирбелхага выдохнул и, приподняв десницу, со странным чувством выдал:

— А где ещё такую мастерят?

— Фи! — молвила разряженная красотка и примерила вид, будто ей и глядеть на Гиргельма невыносимо тошно.

Некто в рогатой шляпе не скривился, покуда изучал взором гнилую метку, но и зримого почтения тоже не выказал.

— Чего ты тут делаешь, храмовник?

— Храм никому отчёта не даёт!.. — вспомнив, как отделялись от назойливых распродов служители любых богов, молвил беглый неопит с каменным лицом.

— Чего тут вынюхиваешь? — не отставал наниматель «Могильщиков», и по его упорству Кислый начал понимать, что в беседе пошёл не той стёжкой.

— Окромя смрада, ничего.

К Гиргельму приблизилась замарашка в шлеме. Шумно раздувая ноздри, она настороженно прошла мимо, точно вставшая на задние лапы дворняга.

— Хочешь подцепить от него что-нибудь славное? — угрюмо усмехнулся хлыщ. — Тебе мало своей дряни, Смрадушка?

«Смрадушка? Не часто услышишь такое прозвище!.. — невольно отметил сорник. — Если токмо для потехи?» Ибо Смрадушка — вредная девица из сказок и легенд.

Косясь и пробуя воздух язычком, чумичка недолго покружила возле первенца Ирбелхага. Потом резко отскочила к своему господину, бегло склонившись, потёрлась бочком о его колени и, выпрямившись, что-то зашептала тому на ухо.

— Да? Хочешь сказать, он благородной крови? Сам из знати, а шатается, как голь перекатная? — Сумасброд вытаращился на подружку и пару мгновений переваривал думу, после чего задёргался в явном несогласии. — Не может быть — он же не может быть чуднее меня, Неимоверного?!

Смрадушка примолвила ещё что-то, но фат лишь оттолкнул её:

— Не лезь, дурёха — твой нос законопачен ослиным навозом! Бродяга не мог лютовать вместе с Шрангорцом!..

Гиргельм тихо хмыкнул. В ту пору он был шибко недоволен тем, что проиграл брату Экбельдину, по вине близнецов остался ни с чем. Тогда ему, усталому и обзлённому, казалось, что сможет выручить лишь один человек на целом свете! Давний враг его рода, Шрангорц Хваткий: оный, как всюду баяли, уж коли прихватит, живым никого не выпустит!.. Взять к себе в услужение тот взял, но помогать не спешил. Самого держал за горло: за любую малость сдирал три шкуры и давал самые мерзкие поручения. Разве мог с таким хозяином Гиргельм остаться чистеньким?..

«Могильщики», суровые лиходеи округ — свидетели их связи с Шрангорцом. Вернее, очевидцы разрыва всяческих отношений...

Сын Ирбелхага промолчал. Его подмывало переубедить влиятельного чудака в том, что замарашка не обманулась, но искус⁷ подсказывал не скакать с тропки на тропку.

— А я знаю, кто ты! — тыча в Кислого длинным пальцем, вдруг возопил разодетый хлыщ, и один рог на его шляпе опустился книзу. — Ты приволок моему жирному братцу злато!

«Братцу? — мелькнуло в голове обвиняемого сорника. — Дождь-гудождь, выходит, сей расфуфыренный зыза⁸ — брат Шердегифа, Албезвих! Ловкая парочка, что хитро избавилась от грозного муженька Игленбольды, Хлезкера! Ха-ха, а нынче они грызутся промеж собою! Прямо как мои вшивые близнецы: разве что не столь резво...»

Улыбка, избородившая лицо Гиргельма, прорезалась весьма некстати — вероломный родич вдовы токмо убедился в своих нелепых подозрениях. Ни резкие жесты, ни словесные возражения его уже не убеждали.

— Ну, допустим не злато, храмовник, — не отступался Албезвих, — а серебро или даже медь ты ему притащил! Сам ведаешь, в наших краях люди готовы убивать за сухой сухарь!..

Первенец Ирбелхага горько фыркнул и похлопал себя по ветхой одежке. Спустя миг пожалел, что вообще дёрнулся.

— Общайте его! У него явно все пазухи в самоцветах!..

Тут за бывшего собрата вступились «могильщики»: троица ватажников во главе с Ухленгасом заявили, что уже обыскивали «чумного» и найденные три медяка не тянут даже на разграбленные сокровища...

Девушка со знаменем расхохоталась, широко раскрыв ротик. Выплыв из-за ланиты⁹, на высунутом розоватом язычке красотишки показалась половинка старого медяка. По его неровным усечённым краям прелестница уразумела, что малость обмишурилась. Скорчив гримасу, она кинула монетку замарашке, а сама, поведив мордашкой, вновь растворила уста и гордо явила всем целёхонький обслонявленный сребреник.

— Вот-вот, Душка, и я о том же: кругом бесстыдные трюки! Слыхали о Кюрзехе Любезном, попрошайке, что никогда не портил воздух: а всё потому, что его зад всегда закупоривал преогромный смарагд?! Так вот прохвост нередко, дабы разжалобить люд, клянчил и вовсе голышом. — Переведя дыхание после тирады, Албезвих обратился к своей грязнуле: — Прощупай его сама, Смрадушка, да не ленись! И будь половчее: помни, что, ежели от него какую погань на себя перетянешь, так мне и твоя сестрица станет без толку, одна-одинёшенька!..

Гиргельм едва не фыркнул. Оказалось, аромократ не токмо чудака да щёголь, но ещё и любитель народных баек да небылиц! Душка и Смрадушка — их героини и частые соперницы. Однако Албезвих перетолковывает сказки как-то по-своему! Ведь Душка — замарашка из простого люда, готовая всем помочь, а вовсе не смешливая расфуфыренная красотишка! Часто ей приходится «прибираться» за Смрадушкой — испорченной дочкой аромарона...

Неряха вновь подступила к Кислому, поплевала себе на ладони и покосилась на него взглядом побитой псины.

— Не туда полезешь — прикончу! — шёпотом посулил ей сорник и развёл руки в красноречивом жесте.

Девушка оскалилась щербатой ухмылкой и шустро принялась за дело. Однако предостережёнью вняла: притрагивалась бегло, лишнего себе не позволяла, токмо напоследок знаком

⁷ Искус (устар.) — опыт.

⁸ Зыза (обл.) — разноглазый, косой.

⁹ Ланита (устар.) — щека.

попросила открыть рот. Не сыскав «ни злата, ни серебра, ни преогромного смарагда», замарашка проворно отбежала к хозяину.

— И всё же ты, храмовник, тут неспроста! Явно, радеешь на моего шельмоватого братца!

Нервически вышагивая с места на место, благородный сумасброд никак не мог уняться. Он упорно продолжал принимать Гиргельма за сообщника своего кровного родича. Брызгая слюной, требовал открыть, где «залегли» приведённые Шердегифу подкрепления, откуда и когда те на «вонючий свет» вылезут? Тайный подручник Игленбольды продолжал отнекиваться, напирая на то, что храм безучастен к мелким сварам и ничью сторону не принимает...

— Ох, везёт тебе, хмурзик, что мне не до тебя!.. — наконец рявкнул Албезвих и, повелев Душке замахать его штопаным знаменем, возгласил: — Всё, черёд настал — выступайте!

Первые мгновения ничего не происходило. Знатный чудак требовательно выкрикивал приказания, а разбойники даже не почёсывались, всячески выражая безразличие. Нанимателю принялся вторить Цабервихль, но растерявшего последнее влияние атамана слушать не спешили. Ни посулы, ни угрозы, ни нелепые потуги «свиты» Албезвиха не могли расшевелить ватажников. Неведомо, во что бы вообще всё вылилось, кабы кто-то толковый не вспомнил:

— Айда обирать покойников, робяты!

— Да, по могилам — «могильщики»!.. — подхватил хлыщ в двух плащах и стал втолковывать черты своего замысла.

Он успел изречь не более пары беглых велений, как бивак «Могильщиков» зашумел, заволновался от нахлынувшей суеты. Тати бегали, толкались и орали друг на друга. Одни искали своё оружие, другие бросили сие гиблое дело, смекнув отобрать «добрую сталь» у сотоварищей. Другие напяливали броню или, напротив, снимали оную, полагая, что мертвецы не станут грызть их за пятки. Иным хотелось выпить да закусить: они всю чавкали, давились и обливались, намереваясь торопливо разделаться с припасами, прежде, чем подступаться к настоящему врагу. Прочие справляли невинные нужды: деловито присаживались на корточки или мочились, наплевав на запреты не гадить на месте стоянок.

«Я водился с оными своньями?» — недоумевал Гиргельм, как-то подзабыв, что его дальнейшая жизнь была и того отвратнее. Он задержал взор на ушлом кудлатом разбойнике Гацгансе. Тот умудрялся глотать остатки пойла из тощего бурдюка, тискал нечесаную полуголую шлюху и вместе с тем, брызгаясь, отливал как на неё, так и на свои ноги.

— Ты готов, Кислый?!.. — Сбоку неожиданно вырос главарь и молвил столь туманно, что было неясно: вопрошает он или же утверждает?

— Ещё бы!.. — унимая болезненно задрожавшую десницу, пренебрежительно бросил сорник и невольно попятился.

— Ну, так хлынули — «Канальи» ждут в другой стороне! — атаман задорно оскалился и указал на маячившую над склоном макушку неблизкой башни.

Отодвигая неизбежное, Гиргельм обмолвился, что ему нужен клинок для битвы. Цабервихль отмахнулся, буркнув, что «дорогой всё подберут» и призвал поторапливаться. Дабы его слова имели вес, кликнул двух крепышей, что должны были сопроводить бывшего ватажника до места стычки. У сына Ирбелхага не осталось иного выбора, кроме как подчиниться. Понурившись, тот одолел не более дюжины шагов, как услышал резкий окрик:

— Эй, куда вы повели хмурзика?! Он остаётся со мной!

— Ему надобно явить верность ватаге! Он станет биться за вас с «Канальями» или пусть пеняет на себя!..

— Нет! Все ваши разборки после... Днесь я не допущу, дабы какой-то тухлый подсыл снёсся с моим братцем и всё мне, Албезвиху Неимоверному, изгадил! — путаясь в одеяниях, аромократ гневно потрясал кулаками и был неумолим. Спустя миг он, сверкая взором, прибавил ещё кое-что: — И да, Цабервихль, ты тоже останешься здесь! Всё равно от твоего прежде славного имени не осталось ни запашка — назначь-ка на сечу преемника...

— Но я должен... — пытался возразить главарь, поколе его не перебили. — Да, ваше благовоние, — скривившись, повиновался Старикан и пошатнулся, вступив в чьё-то некстати подвернувшееся дерьмо. — Гацганс!..

Глава 4. Гиргельм.

— Какой прелестный вид! — блаженно улыбаясь, воскликнул чужак в двух плащах и мечтательно подёргал рукой. Подражая ему, Душка тотчас же взялась рьяно размахивать сизо-жёлто-зелёным знаменем в заплатках: токмо теперь Гиргельм приметил, что на оном был выткан сам Албезвих. — Славно, что я не ушёл к себе в лагерь у пруда — туда могут нагрянуть враги и ещё ни Эшарга не видно...

Обзор для Сорных краёв и, в самом деле, был хорош. Око Ирсии по-прежнему было скрыто пеленой туч, но ниже отчасти прояснилось, и стало видно почти на лигу окрест. Над пестротой полей властвовал приземистый утёс, и на оном отчётливо маячил бледно озарённый Флокендорф. На его одинокой кряжистой башне поколе болтались песочно-алые стяги, но положение дел защитников ухудшалось. Их отряды, прежде отваживавшиеся далеко отходить и даже преследовать отступающих чужаков, прижали к самым подступам твердыни. Над палисадом тоже можно было разобрать немало воинов, но захватчиков, наползавших недружными оравами, насчитывалось куда больше.

Гиргельм кисло поджал губы. Он намеревался договариваться с Шердегифом... но положение аромарона неумолимо ухудшалось. Разумеется, для него всё ещё было не кончено: даже отыграв подходы к замку, нападавшие рано или поздно упрутся в частокол; и оный (хоть местами завалившийся), при умелой обороне, вполне может перевести побоище в томительную осаду. А с последней в Сорных краях вообще всё загадочно: зачастую не выдерживают и сдаются засевшие в крепости, но порой начинают «беситься» сами охотники за чужими богатствами! А таковых у Неимоверного полно: их, готовых сцепиться меж собою, всех надлежит держать в узде, а также кормить, поить, развлекать... Имеется ли у Албезвиха чем? И всё же чутьё шептало, что дела придётся жечь именно с малость тронутым младшим братцем! А как те вести, коли спервоначала всё покатилося не по тому тракту?..

Тихо, без поклонов, распрощаться с Игленбольдой? С её глупой жадной мести и добра. Ведь на своей изрядно «промокшей» шкуре Гиргельм убедился, что мало какая месть стоит, дабы её затевали...

Но и отсюда так просто не улизнёшь: его охраняет едва ли не полудюжина сторожей, поровну состоящая из подошедших людей аромократа и разбойников.

Невесёлые думы ещё более сгустились после требовательного оклика:

— Эй, ротозеи, тащите сюда хмурзика!

«Слюни небесные, — едва сдержал подступившую дрожь сын Ирбелхага, — какого беса так не прёт! Едва подумал, как разом обмочило... Когда уже будет везти? Когда!..»

Воздерживаясь особо сблизиться, караульщики толкнули пленника в спину древком копья и посулили добавить, когда не узрели его живости. Сорник гримасой явил подчинение и шустро, невзирая на боль в левой ноге, похромал к располагавшему неподалёку хлыщу. Тот, окружённый прихлебателями и стражей, прохаживался по самому гребню взгорья.

— Храмовник, близок час моего триумфа! Ты точно не желаешь мне послужить?

Гиргельм почесал щетину на подбородке и едва опустил голову.

— Я привёл сюда много болванов с мечами! — знатный самодур вскользь указал на побоище возле замка. — И не все они возжелали явиться сюда, привлечённые моим гением!.. Я поиздержался!

Сын Ирбелхага в показном недоумении повёл сросшимися бровями.

— Я по самые тучи в долгах! — ощерившись мокрысой, растолковал чужак, и оба его рога на шляпе поникли. — Мне нужно золото... что ты принёс моему круглому лживому братцу! Взгляни, ему — мокрая лужа. А есть я, Албезвих Неимоверный!

Гиргельм криво усмехнулся и напомнил, что его нынче уже обыскивали на предмет богатств. Не встретив чужого угодливого рвения, щёголь сердито зафырчал и визгливо потребовал, дабы принесли потребное для лёгкого перекуса. Его люди засуетились, подтаскивая чаши, кувшины, подносы и корзины.

— Допустим, само золото днесь не при тебе... Но ты же в состоянии снабдить им в грядущем? — Зыза поболтал тусклым, проржавевшим кубком и, усердно обгладывая тощую косточку, уточнил: — С-снабдить нового аромарона Тру-ухлявых яров!

Пленник призадумался. Стоит ли ему посулить выходцу из знати золотые россыпи? Или же лучше рассмеяться в лицо и, как делали некие эмиссары храма, посоветовать сожрать столько тухлятины, сколько желает сокровищ?! Первое предложение было излишне мягким для смердейших; второе — крайне нахальным в текущем положении. Чутьё подсказывало тянуть. Тянуть, поколе с осадой всё не прояснится.

— Я не уполномочен вести переговоры такого рода, — стараясь не коситься на еду, пробубнил он и после заминки прибавил: — обычно...

Последнее Албезвих будто не услышал:

— Не желаешь помогать по доброй воле? Отлично — тогда послужишь **ВОПРЕКИ!**..

Его глас перерос в вопль, что изрядно переполошил свиту чудака. Ряженная прелестница суматошно покачнулась, из её руки выскользнул тощий ломоть жилистого полусырого мяса. Присевшая у коленей господина, Смрадушка резво отпрыгнула и ртом подобрала упавшую снедь с земли. Не поднимаясь, опустила забрало своего помятого шлема и довольно заурчала под оным. Подскочил полунагой громила с арканом: не зная кого бить, накинул петлю на шею жующей замарашке, потянул и опрокинул её. Из-под замызганного забрала потекли слюни. Под прорезавшийся гогот Албезвиха доволлок чумичку до Душки и, накинув второй конец на красотку, притянул двух девиц друг к дружке, а после рывками потащил прочь от аромократа.

— погоди, дуболом вонючий! — возопив, остановил здоровяка хозяин. — Моё знамя вот-вот хлебнёт грязи!

Силач шустро обернулся и потянул за флаг, готовый выпасть из рук прелестницы.

— Вот, дубина тупая! — вновь взревел самодур и замахал шуйцей. — Сколько раз я повторял: не лапай своими сальными лапищами мой стяг!

На жест щёголя в двух плащах приплёлся карлик в доспехах: он выждал, куда лысый гигант согнётся в пояснице и, с натугой подняв дубину, опустил ту на спину сотоварища. Оный мотнулся, крикнул, но устоял, не упав на колени.

— Сколько раз ты, заморыш, грозил сбить с торса Гадюма наговоры, что не дают ему открыть мне свои тайны да и просто облачиться по-людски! С гузна и ног-то заклятья как-то пали... Потаскуй!

На зов, шаркая, притопал старик, будто втиснутый в бочку по самые зенки: распиленные доски пошли как пластины, а днище горжетом закрывало шею и полголовы. Он взвёл самострел, чихнул разлетевшимися соплями и под возглас: «Мри», выстрелил. Болт скользнул мимо, едва чиркнув по шлему недомерка.

— Сколько раз ты, брехливый крот, сулил уже пристрелить Жердюка? Он утомил — давно пора взять на его место кого поменьше! Иначе наговоры не спадут, и Гадюм не скажет мне, как у него выросла вторая кожа и чужое лицо? Смрадушка!..

Уже освободившаяся от пут замарашка подскочила к старику, задрала забрало и принялась плевать внутрь нелепого деревянного доспеха.

— Когда-нибудь ты утонешь от слюнявой похоти молодой девицы, хрыч! — похлопав в ладоши, молвил Албезвих. А после с кислой миной подытожил: — Повеселили!

Потеха (коих сумасброд, видимо, закатывал на дню немало) завершилась. Отхватившие из-за вывертов чудной службы, стражи разошлись, удалившись от господина на полдюжины шагов. Девки, напротив, приблизились к хозяину. Пристроившись у его ног, неряха присела

и стала вылизывать высунутую из драной сандалии ступню. Вернув себе зная, милашка принялась его расправлять да гладить; заодно ненароком отряхалась сама.

— Эй, ты замаралась, дурёха! — любуясь своим стягом и отчасти подружкой, вдруг рявкнул зыза и покраснел от гнева.

Едва не выронив флаг, Душка взялась себя суетливо оглядывать, желая отыскать грязь. Она сыскалась на рукаве, который прелестница живо оторвала и швырнула чумичке. Поймав клочок, Смрадушка вытерла им своё невымытое лицо и после натянула на правую лодыжку.

«Ну, Албезвих все небылицы в слякоть бесстыже похерил!» — по обличью Гиргельма пролегла косая усмешка. В сказаниях именно Смрадушка рядится в шелка да бархат, натирается маслами, но ей то совсем не помогает! Ибо, возжелав неземной власти, остолопка отдалась смердешему, жрецу Эшарга, и с той поры сама стала источать смрад. А вот Душка, как бы её жизнь ни марала, напротив, стала благоухать, ибо однажды спасла прелюбу, служительницу Цветовласой Иаланы.

Воспользовавшись сумятицей, он отдалился на пару шагов и намеревался ещё отойти, как его отступление заметил Албезвих:

— Мы с тобой не закончили, хмурзик!

Отступника подмывало отозваться фразочкой: «Храм вечен: не тебе начинать и заканчивать, дурик!» — но Кислый лишь невнятно ухмыльнулся.

— Храм богат! По слухам, богат до безобразия!.. Он же не заметит потери пары сундуков?

«О, пошла занятная беседа! — отметил про себя сын Ирбелхага. — Уж не ведаю, чем всё окончится, но тут главное — не спугнуть...»

— Будь сыт слухами, а далее не держай! — фыркнул бывший неофит, рассчитывая, что отказ многих токмо распаляет.

— Что? — хлыщ едва не подавился куском лепёшки. — Накорми слухами моих бойцов, хмурзик! Пожалуй, я бы глянул на сие зрелище! Кой-какие «особы» обглодают даже твою протухшую ручку...

Его девицы захихикали. Душка подошла ближе и, приподняв кубок, предложила тот Гиргельму. Он не шевелился, чуя каверзу, но молодка, сблизившись, поднесла чашу прямо к его рту. Губ коснулась пряная кислотатая влага. Наклонив голову, он отхлебнул. Вино было слабым, даже разбавленным, но иного не предлагали... Он глотнул ещё, стараясь вобрать побольше питья, как чаша дёрнулась от резкого толчка. Её содержимое разлилось по роже сорника.

— Какая ты неловкая с нашим гостем, Душка! — отозвался Албезвих с показным неудовольствием.

Его шлюшка насмешливо кивнула и отшвырнула кубок в ближайшую лужу. Побрезговав его поднимать, она потянулась к ручке небольшого кувшина.

— Ты проведёшь меня в сокровищницу храма, или не сносить тебе головы, хмурзик!

— Не страшишься мести храма? — облизываясь, точно зверь, спросил Гиргельм.

— Я съеду подальше от здешней тоски, — помедлив, отозвался сумасброд. Помотав куском вяленого мяса, признался: — Знаешь, до Эшарга наскучила вонь! Что бы я ни съел или выпил — всюду поганый душок!..

«Понимаю, — безмолвно согласился сорник с гниющей десницей. — Хотя ты даже не представляешь, что такое суцая вонь!.. И, кстати: тогда почто ты хочешь замок брата?»

— Эшарг достанет всюду! — выдавил беглый отступник, стараясь не содрогнуться от своих же словес.

— Он не разнюхает! Уж я, Албезвих Неимоверный, всё обстрипаю, как надобно...

Его тощее бледное лицо изборозила гадкая, точно Разлом, улыбка. Кислый сдержал свою, не менее мерзкую, усмешку. А после пробормотал что-то невнятное, кое подходило бы случаю, кабы на месте отщепенца оказался истинный жрец Эшарга.

— Подумай, покуда я милостив, хмурзик... — изрёк хлыщ и лениво махнул дланью, позволяя оставить его до поры до времени.

Сын Ирбелхага отошёл в сторонку и, прихрамывая, чуть спустился по склону. Под приглядами сторожей, присел на обросший лишайём камень. Отсюда, из ложбинки, было немного чего видно, но нынче, из-за натёкшей пелены, замок было не разглядеть и с самого гребня. Зато скудный обзор должен был хорошо сказаться на размышлениях. А пораздумать пленнику было о чём!..

Как надлежит далее беседовать с Албезвихом?

Стоит ли хранить верность Игленбольде?

Как миром разойтись с былыми собратями по ватаге?

Однако не успел сорник даже толком почесать всклокоченную голову, как к нему пожаловал неожиданный гость.

— Я был их главой четыре мочёных года! И, знаешь, протянул бы ещё столько же... Откуда тебя нахрен надуло, Кислый?

Тщетно похлопав по месту, где должен был висеть кинжал, Гиргельм неспешно повернул голову. В него, посверкивая стальным взором, вперился Цабервихль. Коли не считать оттирающихся поодаль разбойников, атаман был один. И на виду оружия заметно не было. Впрочем, всякий душегуб должен чётко знать, когда следует всю грозить острой сталью, а когда оную лучше до поры утаить!..

— Про какой день вопрошаешь?

— Про любой. Он становится тухлым из-за твоей тоскливой рожи!..

Сын Ирбелхага смолчал, не обмолвившись, что морда Цабервихля — вряд ли лучше.

— Ты из кожи вон лез, лишь бы подсидеть меня! — злобно проскрежетал атаман, грозя заросшим рыжим волосом кулаком. — И знаешь, я бы с тем даже — где-то в глубине потрохов — смирился, кабы не был уверен, что ты сведёшь «Могильщиков» напрямиком в могилу!

— Откуда такие сопливые уверения, Стариқан? Кто из нас двоих заводил татей в беду?! Кто не раз едва не угробил половину шайки?

...Однажды главарю донесли, что по Тухлому тракту пройдёт стоящий обоз. Оный якобы будет нагружен ценными мхами, сырой древесиной да болотными ягодами с грибами (всем, чем богаты Сорные края), но на деле станет скрывать куда более любопытные вещи! Дорогие ткани, слитки отменного железа и даже серебра. Как любой из нищих сорников, Цабервихль не мог не заинтересоваться сей весточкой! Он измыслил и подготовил стоящую засаду. Часть ватаги должна была напасть открыто и, мнимо отступая, увести большую часть ратников прочь от обоза, а второй половине банды предстояло заняться кое-чем более увлекательным, а именно лёгким грабежом. Возглавлявший передовой отряд Гиргельм выполнил всё, как было обговорено: засыпая снарядами, напал на вереницу телег, затеял потасовку со стражами, но будто не рассчитал сил и посему, «огрызаясь», пустился в бегство... Дабы за татями погнались, желая тех добить, сын Ирбелхага «сглупил» напоказ и повёл преследователей в самые скверные места окрест, к Болтливым трясинам. Там он думал немного поводить врагов топкими тропками и дожидаться череда, когда до защитников дойдёт слух, что их обоз грабят — тогда те сами развернутся и оставят разбойников в покое. Замысел был хорош: купцы обворованы, их вояки одурачены, а «могильщики» целы и невредимы... но одно пошло не так, как задумывалось! Стражи увлеклись погоней и никак не получали знака, что их одурачили. Посему они висели на хвосте, а Кислый прилежно не торопился, дразня их камнями из пращей (для луков было слишком сыро, дождливо). Так и добегался до самого лиха: добрался до зыбунов, через кои не ведал прохода. Оставалось лишь дать стражам обоза неравный бой. Токмо боем

то позорище язык назвать не гнулся: недругов было больше, и вооружены они были лучше — большинство татей живо перерезали, как свиней, а прочие утопли, пытаюсь спастись. Уцелели разве что сын Ирбелахага да ещё пара душегубов — им удалось притвориться убитыми и утянутыми трясиной.

Позже выяснилось, что стражи не возвращались к обозу, поскольку оный никто и не грабил! Цабервихль в последний миг обнаружил, что телеги принадлежали не купцам «Вонючей Кучки» (как ему донесли), а аромарону Варлбагену Проклятому. Тому тропку атаман переходить не желал и посему, едва напав, повелел разбойникам отступить. А о том, что отряд Гиргельма оказался в беде, атаман поначалу и не помыслил...

... — Я, верно, не лучший вожак, но я — грязь среди грязи — хотя бы свой! А ты — всего лишь упал да замарался — презираешь нас, Кислый, ибо хочешь сызнова стать чистеньким! Да не больно выходит — вон ты уже подгниваешь...

Гиргельм вспыхнул: огрызнувшись гаволком, стиснул в гневе кулаки. Его порченная десница предательски тряслась — в ней не жила сила.

— В том немало твоей любезной заботы, Старикан, — хрипло выдавил сорник, когда осознал, что обречён проиграть любую ратную стычку. — Сознайся, покуда мы наедине, что продал меня в храм!

То, что к мерзкой сделке причастен рыжий ублюдок, было прекрасно известно и без слов оного. В самом храме из того тайны не делали. Всего лишь брало любопытство: тлела ли в поганце хоть крупица отваги? Или он давно не главарь, а просто трусливый, подьедающий отбросы швакал?!

Цабервихль странно усмехнулся и, ничего не молвив, передёрнул широкой рожей.

— Почему Эшаргу? Почему?.. — едва не крикнул первенец Ирбелхага, и его затрясло от негодования.

Эшарг — самый мерзкий из всех ведомых богов! Разве что владыка смерти Белоокий Энгил тут может поспорить... Прочие вершители судеб не столь отвратны. Даже сама ночь, Тёмнокрылая Маренхла не чета своему Смраднему супругу. Коли попал бы к Мечерылому Фрогару, так Гиргельм не серчал бы: знай себе творил то, что и без того делал долгие годы — махал клинком да пускал ручьями кровь! Познал бы привычки да язык диких тварей, кабы судьба определила бы в святилище Церволлуса Зверодержца. Либо забавлялся бы, окручивая дураков (глупых и тех, что мнят себя умными), если стал бы подручником Грязнопалого Свезгуса. А ежели очутился бы в сладкой юдоли Трёхустой Иаланы иль Дурманящего Йоупа — благословлял бы Цабервихля каждый день от сладкой, полной неги, страсти и хмеля, жизни!..

Но нет, Старикан продал его самому гадкому божеству! Отправил в смрадную гниль!..

— Мы где, безмозглый обмокрыш? В сраных Сорных краях! Тут на один другой храм — десяток вотчин Смрадного! И ближайший — тоже его... — растолковывая, главарь широко раскинул руки. Горько вздохнув, прибавил: — Да и вообще, негоден ты, Кислый, для иных...

«Негоден? — едва не задохнулся от возмущения сорник и шуйцей нащупал острый осколок булыжника. — Да тебе и твоим "Могильщикам" повезло, тать, не свидеться со мной, покуда мои братцы не спятили в тухлый туман!..»

— И вообще, Кислый, ты всё не с теми мокнешь! Был бы умным, так послужил бы Проклятому! Уж он бы тебя оценил...

«Он не оценил меня с того полузабытого дня, когда я должен был стать рыцарем!» — бегло припомнил Гиргельм.

Тогда случился поединок с Кехбергом, оруженосцем Варлбагена. Охотников — двое, но звание — всего одно! Схватка была равной, и ни один не мог взять верх. Тогда Варлбаген схитрил, посулив отдать сыну Ирбелхага свои латы, меч и дочь в супружницы. Тот отвлёкся, и Кехберг нанёс удар, что признали решающим. Стоит ли каркать, что от Проклятого были

получены одни насмешки. Особо «удалась» та, где поганец, дабы не прослыть лгуном, удочерил уродину...

Обида, хоть нынче (после всех злоключений) и мнилась пустячной, засела нутряным комком. Нарывала сердце, не давала себя забыть. И дело вовсе не в клятом звании, а в том, что последовало далее...

Вот!.. Вот, он первый поворот не туда!

— А он уже оценил! — криво оскалился отпрыск аромарона. — Особливо, когда я столкнул его хвалёную сотню «Ублюдков» в мутные воды Чумазищи и, считай, покончил с ними. Шрангорц Хваткий, коему я тогда служил, даже расплакался от умиления, чего с ним никогда доселе не случилось.

— Так пососи его проклятый хрен, Кислый — авось, он простит? Токмо сперва чёрный туман из себя выкашляй!.. — рассмеялся рыжий бородач. — Ну, может, вдобавок стоит возглавить его новую «Сотню»?

Простит? Меж ними, двумя, мокло слишком много кровавого дерьма! Не до прощения, когда такая вонь...

— Ты припёрся давать вшивые советы, Старикан? Уж коли хочешь прикончить — нечего впустую капать!.. — Отступник Эшарга воздел порченую десницу и погрозил ею. Сам же тайком стиснул обломок камня — если атаман сунется, так сухим из драки не выйдет!

— Вот ей что ли, — указав на хворую руку, молвил главарь, — ты поверг многих воев? Сопливы же твои недруги, Кислый! Я не из их числа... — Он гоготнул и, явив чумазые пустые ладони, убрался вон.

— Она ещё послужит!.. — прохрипел сын Ирбелхага напоследок и перевёл взор на свою ужасную длань. Она чернела: зараза неумолимо расплзлась, отвратной коркой покрывая больше и больше плоти. Надлежало поторапливаться, иначе все его потуги не стоили ни тёмного завитка Хмурляйн. Ни завитка её скверны...

Он повернул голову. Лохмотья рыжевато-серой пелены, накатывая от смердящего бойней ветра, накрывали видневшуюся верхушку башни. Выше завеса бледнела и истончалась, местами проглядывали прожилки синеватой выси. Но Оком Ирсии было не полюбоваться: размытая в свалке грузных туч, в одном месте колебалось призрачное сияние. Ниже оно, по гребню холма, расхаживал Албезвих Неимоверный: тот не примечал, как, размахивая кубком, плескался вином. За господином, высунув язык и пытаясь поймать хмельную капель, на карачках ползала снявшая шлем Смрадушка; привязанный верёвкой меч неуклюже бил её по открытым обносками ногам, отчасти смахивая на нелепый хвост.

— ...славно, что у меня остался самый последний братец: благодарение Пряхе, что один сгинул в малолетстве, а другой парой зим позже — в битве. Что бы мне такое с ним сотворить? Чудное? Дабы моё славное имя благоухало!.. — спросил Албезвих самого себя и почесал тощий подбородок. — Казнить? Отрубить голову?

Смрадушка одобрительно твякнула и зубами легонько подёргала за краешек лазурного плаща хозяина.

— Да так тут поступают все, блошинная башка! — он раздражённо фыркнул и пнул девицу по ребрам. Она, тихо заскулив, отскочила к разряженной товарке.

— Отшибить голову? Набить голову? Златом набить? — гадал знатный чудак, картинно (так и сяк) изгибая тёмные брови, сужая то синий, то зелёный глаз.

Отозвавшись звонким смехом, Душка даже подскочила от воодушевления. Вино из кувшина брызнуло вниз: широко распахнув рот, чумичка подалась под дурманящую морось. По её грязной мордашке размазались багровые капли.

— Дорого же, златом, глупенькая! — поправив съехавшую шляпу, воскликнул Албезвих. — А вот жратвой набить вполне себе можно! Да, раскормить нюню, как отца! Два кабана, но судьба у них одна!..

Сочтя, что измыслил нечто крайне затейливое, сумасброд решил за то выпить. Прежде обнюхав питьё, он поморщился, но запрокинул надо ртом ржавую чашу. К хозяину без промедления присоединилась Душка: едва пригубила, как о её ногу потёрлась чумазая подружка. Косясь на господина, красавица чуть пригнулась и хлебнула ещё вина. Подержав оное во рту, малость раскрыла уста и бережно, дабы не испачкаться, пустила вниз тоненькую струйку. Смарадушка с довольным урчанием приподнялась и, раскрыв прорезанный от зубов рот, ловко поймала стекающую хмельную влагу Йоупа. Их лица сблизилась, оказавшись одно под другим. Гиргельм прищурился: ему почудилось, что их обличья крайне похожи, разве что мордашка Смарадушки — более исхудалая, измождённая, а носик Душки — слегка курносый. Быть может, они и вправду родные сестрицы? Вспомнилось, что хоть в большинстве сказок девицы не выносили друг дружку... в одной старой легенде они всё же как бы породнились. Несносная дочурка аромаронахватила лишку и пошла строить козни супротив отца. Прознав правду, оный выгнал злодейку из замка прямо под дождь; сам же приютил Душку, благодаря коей вскрылось коварство родной кровинушки. Однако Смарадушка не погибла: о ней, воспылав жалостью, стала тайком заботиться новая дочь владыки. Смарадушка же осталась Смарадушкой: помощь принимала, но ярилась на свою благодетельницу пуще былого...

— Кто таков, коли поразмыслить, родной брат? — продолжил внимать самому себе Неимоверный. — Неприкосновенный (протухни его потроха!) недруг, чью вонь я годами обязан сносить! Вонь? — в смущении повторил он, и его худая рожа просветлела даже под сенью шляпы. — Да, вонь!..

Некое время зыза токмо загадочно улыбался, настаивая откровение, и провозгласил, лишь когда две его девицы все извертели в нетерпении:

— Родную вонь — вон в Разлом! Отдать его Эшаргу! Пусть отдаст должок... Я сущий гений сих лживых крайних краёв! — Щёголь выпил залпом и не заметил, как замарал рубиновыми пятнами складки выпирающей тоги.

Албевих рассмеялся и велел опять наполнить себе кубок. Глядя на отчасти скрытую текущей хмарью твердыню решил на очередную дурость. Верно, подразумевая, что орошает замок кровью, взялся плескаться вином.

— Ещё часок, и замок будет мой! Тебе некуда деться, мой милый братец: ты окружён, загнан в угол! Перевес на моей стороне! На каждого твоего защитника — трое моих бойцов! К тебе явились одни «Канальи», и они скоро укачают отсюда. У меня же, помимо своих воинов, полно наймитов! «Костегрызы», «Могильщики», «Скоты», «Милашки», «Сучьи Мужы»...

Об авторе.

Раньше писал в дубовый стол, но тот не перенёс глумления и дал дуба! Хотя кое в чём вру... Не пишу книги. Ибо пишут художники, а я не люблю повторяться. С книгами я воюю и одолеваю их в нелёгкой борьбе! Так что ждать от меня многого не стоит...

Считается, что писатели — ворчливые, заносчивые, нелюдимые люди. Не совсем верно: такие мы, лишь когда у нас хорошее настроение!.. Хотя опять вру: людского во мне немного. Я больше кот, притом кот-в-кубе.

Работаю в жанрах мрачного фэнтези (реалистическое, тёмное), но порой не прочь раскрасить их иными тонами. Наиболее распространённая манера изложения (уж простите, так по некоторым причинам вышло!): под старину (а-ля «Волкодав» Семёновой). Невзирая на тяжкий нрав, буду рад откликам. Не обижу даже «троллей». Хотя, может, снова вру?..

<https://vk.com/fairyxpers>